

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Сандроне ДАЦИИЕРИ

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

УБИТЬ КОРОЛЯ

Непредсказуемое развитие сюжета,
разгадка цепочки преступлений открывается
лишь на последних страницах...

Марко Джустини. Amazon

Звезды мирового детектива

Сандроне Дациери

Убить Короля

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Дациери С.

Убить Короля / С. Дациери — «Азбука-Аттикус»,
2018 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-18491-6

После ужасной снежной бури Коломба Каселли, знакомая читателям по романам «Убить Отца» и «Убить Ангела», обнаруживает в своем сарае подростка-аутиста по имени Томми, перемазанного кровью. Выясняется, что его родители убиты у него на глазах. И хотя Коломба еще полтора года назад вышла в отставку, пытаясь оправиться после трагических событий в Венеции, когда она едва не погибла, а ее друг Данте Торре был похищен, молодая женщина вынуждена включиться в расследование. Никто, кроме нее, не сможет разрешить загадку Томми, который порой ведет себя точно так же, как жертвы Отца, похитителя детей и серийного убийцы. А еще Коломбе предстоит отыскать друга и вместе с ним понять, кто скрывается под маской короля монет, который управляет смертельной игрой. Сандроне Дациери, мастер психологического триллера, в заключительной книге своей трилогии выстраивает замок из зеркал и обманных ходов. Читатель, лихорадочно переворачивая страницы вплоть до бурного и напряженного финала, обнаруживает, что в построенном по принципу матрешки тексте всплывают все новые загадки. Впервые на русском!

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-18491-6

© Дациери С., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Ранее	7
Часть первая. Кошмары	8
Глава первая	8
Глава вторая	22
Глава третья	47
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сандроне Дациери Убить Короля

Sandrone Dazieri

Il re di denari

© 2018 Sandrone Dazieri

© Л. А. Карцивадзе, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Don't you never try to look behind my eyes
You don't wanna know what they have seen.*

Frank Zappa. A Token of my Extreme¹

¹ Куплет из песни американского певца Фрэнка Заппы «A Token of my Extreme» (Никогда не пытайся заглянуть мне в душу через мои глаза, / Тебе лучше не знать, что они видели; «Признак моей крайности», 1979).

Ранее

Коломба склонилась над Гильтине. Женщина была мертва.

Данте в ярости повернулся к Лео:

– В этом не было необходимости. Никакой гребаной необходимости!

Перезарядив пистолет, Лео подошел к Коломбе:

– Она умерла?

– Да.

«Боже, какая она маленькая», – подумала Коломба. В Гильтине было не больше сорока килограммов веса.

– Данте, что там взорвалось?

– Старый друг Гильтине пытался обеспечить ей путь к отступлению.

– И ему это почти удалось, – сказал Лео, подобрав брошенный Гильтине нож.

– Лео, ты портишь улики, – сказала Коломба.

– Какой я рассеянный.

Что-то в тоне его голоса заставило Данте вздрогнуть.

– Не трогай ее! – закричал он.

Слишком поздно – Лео пырнул Коломбу в живот и провернул в ране нож.

Желудок Коломбы превратился в лед. Выронив пистолет, она упала на колени. На руки хлынула кровь. Она увидела, как Лео сшибает Данте на пол и наклоняется над Белым. Неспособный пошевелиться от невыносимой боли в области таза, старик со страхом уставился на него.

– Если ты сохранишь мне жизнь, я тебя озолочу, – сказал он.

– До свидания, – сказал Лео по-русски и рассек ему горло равнодушно, словно резал праздничный пирог.

Данте подполз к Коломбе, которая, свернувшись в комок, лежала в луже крови.

– КоКа... – со слезами прошептал он. – Не двигайся. Я сейчас сожму твою рану. Сожму...

Лео схватил Данте и рывком вздернул на ноги.

– Пора идти, – сказал он.

Данте почувствовал, что его внутренний термометр подскочил до десяти, до сотни, до тысячи градусов. Лицо Лео превратилось в темное пятно в углу берлинского медиафасада, потом в лицо прохожего, увидев которого он несколько месяцев назад попал в швейцарскую клинику с психотическим срывом.

– Это ты, – пробормотал он.

– Молодец, братик, – сказал Лео и сдавил ему горло.

Дождавшись, пока Данте потеряет сознание, он взвалил его себе на плечи.

Последнее, что увидела Коломба, была тянущаяся к ней из-за плеча Лео рука Данте. Она хотела сказать ему, что спасет его, что он был прав во всем, что они никогда больше не расстанутся, но произнесла это только в забытии.

Врачи спасли ее, когда она уже стояла на пороге смерти, но к этому времени Лео и Данте бесследно исчезли.

Потребовалось семь дней, чтобы установить, что Лео Бонаккорсо никогда не существовал.

Часть первая. Кошмары

Глава первая

1

Темнота.

Данте задыхается. Темнота придавливает его бетонной плитой, расплющивает, превращает кости в крошево. Проникает ему в рот и в легкие. Он не может закричать. Не может ни шевельнуться, ни даже извергнуть из себя рвоту. Снова потеряв сознание, он видит в обессиленном сне черный экран, отображающий его воспоминания. Ему улыбается залитая кровью женщина в зеленом платье. Грохот взрыва.

Крики.

Его будят крики.

Темнота. Темнота. Темнота. Темнота. Темнота. Темнота. Темнота. Темн...

Свет.

Всего на мгновение, на долю секунды, слишком мимолетную, чтобы ее осознать. Но Данте хватается за этот миг. Его глаза вбирают свет, к нему отчасти возвращается способность мыслить. Он чувствует запах древесины и пыли. Думает об услышанном взрыве... Что-то обрушилось ему на голову? Он в больнице?

Напряжение оказывается чрезмерным. Его вновь отбрасывает к черному экрану. Отбрасывает к воспоминаниям. В странное место, похожее на дискотеку. К залитой кровью женщине со странным именем. К пяти летящим к ней пулям. Данте удается увидеть, как они улитками ползут по воздуху и ударяют ее в спину. Плоть женщины превращается в студень, лицо растекается, улыбка разлетается на осколки. На ее левой ключице и животе вырастают два вулканчика из кожи. Вулканы извергаются, и из них, брызгая кровью и осколками костей, вырываются две пули, прошедшие насквозь. Женщина начинает заваливаться вперед. Позади нее...

Темнота.

Данте в сознании, но не открывает глаза. Сначала он пытается ощутить собственное тело, воссоздать его вопреки волнам боли, которые омывают его с каждым движением. Он понимает, что лежит навзничь со связанными запястьями и щиколотками. Во рту у него что-то кожаное, вокруг бедер – что-то мягкое. Помимо этого, он обнажен. Его интубировали? Он в тяжелом состоянии? Данте вспоминает сон о дизельном двигателе, вибрировавшем внутри его черепа. Это был мотор лодки. Возможно, на ней его доставили в больницу.

Он пытается пошевелить руками, и боль в запястьях возрастает. В кожу впивается что-то острое.

Пластиковые стяжки.

Это самые дешевые наручники на свете, но в больницах обычно не приковывают пациентов. Его не госпитализировали. Он где-то еще.

Он пленник.

Ужас снова отбрасывает его в кинотеатр памяти. Фильм крутится дальше, женщина в зеленом продолжает падать, и Данте видит то, что позади нее. Разбитые стеклянные перегородки, яркую, разноцветную пластиковую мебель, обвалившуюся штучную мебель. И тела на полу. Мужчин в смокингах, женщин в вечерних платьях. Сплошь залитых кровью. Галлю-

цинируя, Данте отдает себе отчет, что видел этот взрыв собственными глазами. Он там был. Он не знает, как давно это случилось. Но знает, что происходило все в Венеции.

Он снова приоткрывает веки, переносится в настоящее и фокусирует взгляд на крошечном огоньке где-то наверху, глядя на него краем глаза, – периферическое зрение чувствительнее к свету. Когда он поворачивает голову, огонек перемещается, исчезает и появляется вновь. Между ним и отсветом какая-то преграда, комната темна, и потолок он видит сквозь какую-то преграду. Лишь в этот момент Данте понимает, что преграда очень близко. Это деревянная решетка.

С вентиляционными отверстиями.

Его заперли в ящике.

2

После разразившейся в Марке снежной бури снова пролилась кровь. Множество деревушек, расположенных между Сибиллинскими горами и крутыми скалами Конеро, отрезало от мира, и службе гражданской обороны пришлось сбрасывать продукты питания с вертолетов. В те дни в хлевах с обрушившимися крышами насмерть замерзли сотни голов скота – в одном случае вместе со своим хозяином.

Несмотря на отдаленность Медзанотте от эпицентра бури, длинную грунтовку, соединявшую деревню с провинциальной дорогой, занесло снегом, и до долины не смогла добраться заправочная автоцистерна, снабжавшая сжиженным газом разбросанные по холмам дома, в том числе и захудалый домишко из серого камня, стоящий на краю десятиметрового обрыва, в самом конце грунтовки. Этот крестьянский дом, построенный в конце девятнадцатого века, от поколения к поколению разрастался и менялся с полным пренебрежением к единообразию стиля. Окна разнились по форме и цвету переплетов, пять входных дверей и пристройки были выполнены из разных материалов; при возведении последней бетонной пристройки строители вместо того, чтобы выровнять площадку, решили вписаться в природный рельеф, таким образом часть дома оказалась двухэтажной, а часть – одноэтажной, что делало его похожим на серый, вкопанный в землю анкер. Дом скрывали от посторонних взглядов торчащие из-под снега худосочные кусты и сорные растения.

В подвале находился котел, изрядно поцарапанный гаечными ключами, которыми в свое время демонтировали трубы для очистки от накипи. Газ поступал туда по длинному трубопроводу, проложенному под садом и идущему от подземного газгольдера, расположенного сразу за оградой, – его-то и должна была наполнить автоцистерна.

В два часа ночи котел всосал в себя последние капли сжиженного газа, старчески закричал и погас.

Коломба Каселли продолжала лежать в кровати, прислушиваясь к поскрипыванию остывающих батарей. Это была плечистая тридцатипятилетняя женщина с изменчивыми зелеными глазами и волевыми скулами. Когда-то служившая в римской полиции заместителем начальника мобильного подразделения, она вышла в отставку после того, как призрак вспорол ей живот и похитил Данте Торре – того самого мальчика из силосной башни.

С тех пор прошло пятнадцать месяцев.

Больше о них никто не слышал.

3

Встав, Коломба с помощью электронагревателя и вчерашнего чайного пакетика заваривала чай, надела поверх домашнего костюма старую мохнатую, как Чубакка, парку и вышла

на крыльцо. В белизне и холоде бесновался ветер, дорога белой змеей исчезала в молочной пустоте. До слуха Коломбы доносился только шум ветра и карканье ворон.

Она поглубже натянула капюшон, прячась от летящей в лицо ледяной крошки, и быстрым шагом направилась к серому ондулиновому навесу, расположенному рядом с воротами. Спички в захваченном из кухни коробке шуршали в кармане Коломбы в такт ее шагам. Раньше она никогда не растапливала камин, но знала, что где-то среди многолетних завалов мусора под навесом есть поленница.

Однако на полпути она остановилась, увязнув по колено в снегу.

Из-за дровяного сарая тянулась цепочка следов: кто-то перелез через ограду на участок и скрылся за домом.

Коломба не могла пошевелиться, не могла повернуть голову, не могла отвести взгляда от полукружья следов на снегу.

Рука потянулась за пистолетом. Только обнаружив, что в кармане пусто, Коломба вспомнила, что оставила пушку в ящике ночного столика. Первое время после выписки из больницы она брала пистолет с собой даже в постель и просыпалась с привкусом оружейного масла во рту. Какого хрена она перестала так делать?

«Почувствовала себя в безопасности?» – спросил знакомый голос у нее в голове так отчетливо, что Коломбе показалось, будто он раздался за ее спиной.

Ее легкие сжались. Потеряв равновесие и навзничь упав на голые ветки одичавшего розового куста, она глядела в белое небо с единственной мыслью: это конец.

Она ждала удара ножом. Ждала пистолетного выстрела.

Ждала боли.

Ничего.

Постепенно к Коломбе вернулось здравомыслие. Нервная дрожь немного улеглась.

Она встала. Лео Бонаккорсо – призрак ее прошлой жизни – никогда не оставил бы следов там, где она могла их увидеть. Однажды утром она просто открыла бы глаза и увидела его. Впрочем, он убил бы ее раньше, она не успела бы проснуться.

«Но может, он что-то замышляет. Хочет заманить меня куда-то, чтобы...»

– Прекрати, – пробормотала Коломба, разозлившись на саму себя. – Сумасшедшая, идиотка.

Еще раз взглянув на следы, чтобы убедиться, что они ей не привиделись, она бросилась в дом за «береттой». Сжимая пистолет обеими руками, она по следам незваного гостя добралась до захламленного сарая на заднем дворе. Щеколда была отодвинута, дверь приоткрыта. Внутри, в темноте, что-то шуршало. Коломба взвела пистолет:

– Я тебя видела! Руки за голову и выходи.

Ответа не последовало. Шорох прекратился.

– Не зли меня. Считаю до трех. Раз, два... – Не досчитав, Коломба пробежала пару метров до сарая и распахнула дверь пинком.

В дневном свете среди старой, затянутой паутиной мебели обозначился силуэт массивного мужчины. Чужака загораживал торец шкафа, и Коломба видела только его спину.

– Выходи, я сказала!

Она шагнула вперед: незванный гость отступил за шкаф, но Коломба успела его рассмотреть. Это был плотный, мускулистый и мясистый тип со светлыми соломенными волосами. Из одежды на нем был только старый спортивный костюм и войлочные шлепанцы. Дрожа от страха, он уткнулся лицом в угол сарая.

– Ты кто такой? Повернись, чтобы я тебя видела.

Парень не двигался. Тогда Коломба подошла к нему поближе и увидела розовое лицо без признаков растительности. Пареньку, тупо уставившемуся в пустоту, было от силы лет восемнадцать.

Не понимая, всегда ли он такой, или она его так сильно напугала, Коломба опустила пистолет.

– Что ты здесь делаешь? Ты потерялся? – спросила она.

Парень не ответил и вдруг неловко, на негнущихся ногах бросился к выходу. Из-под его ног взметнулись грязные брызги. Коломба схватила беглеца, но тот укусил ее за руку. Тогда она подставила ему подножку, и он ничком упал в снег.

– Ну-ка, хватит дурачиться, – сказала она. – Я тебе ничего плохого не сделаю. Я только хочу знать, кто... – Слова замерли у нее на губах.

Снег вокруг парнишки стал алым.

4

Коломба в панике опустилась на колени рядом с парнем. Он обо что-то ударился? О камень? Об утварь, что валяется кругом?

– Где ты поранился? Дай посмотреть.

Парень перевернулся на спину и уставился на нее бессмысленными, широко распахнутыми глазами.

«Он в шоке, скоро потеряет сознание от потери крови».

Коломба растянула молнию на его олимпийке.

Под ней оказалась футболка, пропитанная начинающей сворачиваться кровью.

Не обращая внимания на невнятные жалобные стоны парня, Коломба задрала ее, чтобы осмотреть его живот. Никаких повреждений. Он попытался отползти, но она на всякий случай ощупала его, а потом решительно перевернула на живот и осмотрела спину: ран не оказалось ни на спине, ни на ногах.

Коломба оправила на пареньке одежду. Кровь принадлежит не ему. Хорошо.

«Ты так уверена, что это хорошо?»

Она помогла парню подняться, и тот, пошатываясь, встал.

– Еще раз попытаешься сбежать, и я с тобой церемониться не стану, ясно? – сказала она. – Пошли в дом, пока я не умерла от холода.

Парень не двигался.

– Домой. – Коломба махнула рукой в сторону дома. – Туда.

Парень даже не взглянул в указанном направлении. Коломба взяла его за руку и, не обращая внимания на его попытки вырваться, потащила в кухню, которая также служила ей столовой и занимала половину нижнего этажа: когда-то здесь был хлев, сооруженный под спальней хозяев, чтобы животные согревали ее своим теплом. Стены покрывали пятна, а пыльная мебель принадлежала доикеевской эпохе. На трехногом табурете в кухне стоял беззвучно передающий новости переносной телевизор. Его Коломба не выключала никогда.

Укутав парнишку в покрывало, она взяла с буфета беспроводной телефон, чтобы позвонить в ближайший полицейский участок, и нисколько не удивилась, когда выяснилось, что линия временно не работает. Кабели тянулись к довоенной подстанции через километры рощ и полей. Короткое замыкание мог вызвать любой плевков, не говоря уже о таком снегопаде. Местные пользовались мобильниками и рацией, но у Коломбы не было ни того ни другого.

Она раздраженно посмотрела на парня.

Коломба снова спросила, как его зовут, но он на нее и не взглянул. Глухой, что ли? Она уронила ложку, и парень вздрогнул. Нет, не глухой. Просто ее не слушает.

– Если будешь молчать, мне придется проверить, нет ли при тебе документов. Хорошо? – спросила она. – Ладно, молчание – знак согласия.

Парень послушно вытерпел личный досмотр, отстраняясь, только когда Коломба дотрагивалась до его кожи, и потирая место касания, будто она его испачкала. В карманах у него

не нашлось ни бумажника, ни удостоверения личности, но под обшлагом оказался зеленый пластиковый браслет.

«Привет, меня зовут Томми, и я аутист. Мне не нравится говорить и не нравится, когда ко мне прикасаются. Если вы нашли меня без присмотра, пожалуйста, позвоните по этому номеру».

Коломба мысленно обозвала себя тупицей.

– Привет, Томми. Очень приятно... Прости, что сразу не поняла.

На внутренней стороне браслета была такая же надпись на греческом. Домики на холмах Марке стоили куда дешевле, чем в Тоскане, и их нередко приобретали иностранцы. Должно быть, к их числу относились и родители Томми. На браслете были указаны также бесполезный телефонный номер и домашний адрес – в нормальных условиях деревня Монтенигро находилась в часе ходьбы. Сложно сказать, сколько мог занять этот путь в шлепанцах во время снегопада.

– Как ты сюда попал? Кто-то тебя сопровождал и поранился? – спросила Коломба, но вопрос, как всегда, остался без ответа.

Она села в другом углу дивана, чувствуя себя такой усталой, словно последний час длился не меньше суток. Ей ужасно хотелось снова лечь спать.

Но рядом сидел Томми. Со своим браслетом.

– Лучше бы я дала тебе сбежать, – сказала она. – И пусть бы кто другой с тобой возился.

Снова надев парку, Коломба вышла из дому, чтобы завести старенькую «Панду 4×4». С тех пор как она в последний раз ездила на ней за продуктами, прошло уже три недели, но, стоило ей подключить к батарее аварийный аккумулятор, стартер завелся.

Пока двигатель прогрелся, Коломба достала из багажника цепи противоскольжения и установила их на колеса, едва не отморозив руки. То и дело она, матерясь, заглядывала в дом, чтобы посмотреть на Томми. Тот выпростался из-под покрывала и продолжал сидеть на диване, ссутулившись и словно совершенно не замечая холода. Коломба смутно припомнила, что это – один из симптомов аутизма. Ей Данте рассказывал.

Надев на колеса цепи, она затащила Томми в машину, пристегнула его двумя ремнями безопасности на заднем сиденье и выехала на подъездную дорожку.

Руки у нее вспотели. Миновав дом ближайшего соседа – тихого, одинокого пчеловода, живущего в двух километрах от нее, – Коломба выехала на безлюдную местную дорогу. Кажется, ее забросило на чужую ледяную планету. Ей стало трудно дышать, живот свело судорогой, и все ее тело покрылось холодным потом.

Коломба поставила машину на ручник и прыгнула в снег. Неотрывно глядя на лазурную брешь в небесах, она попыталась успокоить дыхание.

«Всего несколько километров. Ничего не случится», – уговаривала она себя, но знала: что-то уже случилось.

5

Томми постучал по стеклу, и Коломба встряхнулась.

– Ладно-ладно, поняла, – сказала она.

Еще пару раз набрав полные легкие холодного воздуха, Коломба вернулась за руль. Томми не переставал стучать по стеклу остаток поездки. Дорогу покрывал лишь тонкий слой снега, и цепи пулеметной очередью грохотали по асфальту. На развилке перед Монтенигро расположился КПП карабинеров: две машины по обеим сторонам дороги и раздурявшиеся на морозе военные с автоматами.

Коломба затормозила. Томми с пронзительным воплем распластался на заднем сиденье.

– Томми, тебе нечего бояться. Наверное, произошел какой-то несчастный случай, – без особой уверенности сказала она, обернувшись к пареньку. – Подожди меня здесь, хорошо?

Заперев его в машине, она подошла к кучке карабинеров. Среди них была кудрявая рыже-волосая девушка, жезлом регулирующая несуществующее движение.

– Госпожа, вам придется развернуться. Дорога закрыта.

Коломба взглянула на ее знаки различия:

– Добрый день, старший капрал. Что случилось?

– Рядовая операция, госпожа, – ответила рыжая. Тон ее ясно давал понять: «не твое собачье дело». – Придется вам добираться в объезд.

– Может быть, вы сможете мне помочь. Я нашла потерявшегося парнишку. Его зовут Томми Мелас. Он аутист, и его нужно как можно скорее вернуть родителям.

– Подождите здесь.

Старший капрал убежала, а через несколько минут вернулась с высоким плешивым мужчиной лет пятидесяти с седой бородкой. На нем был рваный охотничий костюм, но у Коломбы не возникло никаких сомнений, что он тоже военный. Прежде чем протянуть ей руку, мужчина долю секунды колебался, и она поняла, что он ее узнал.

– Меня зовут фельдфебель Лупо, я начальник участка в Портико.

– Коломба Каселли, но мое имя вам и без того известно.

– Где ваша охрана, госпожа Каселли?

– У меня нет охраны, – поспешно сказала она. – Послушайте, этот парень пришел ко мне домой пешком! Ему повезло, что он не умер от холода, но будет лучше показать его врачу.

– А вы живете...

– В Медзанотте. Я закрыла его в машине, потому что боюсь, как бы он себе не навредил, а еще потому, что у него одежда перепачкана в крови. Очень сильно.

Коломба показала на сидящего в машине парня. Не ведая о происходящем, Томми продолжал ритмично стучать по стеклу.

Лупо с недовольным видом пригладил бородку:

– Послушайте, госпожа Каселли. Я буду краток. Сегодня ночью родителей Томми убили.

– Господи... – выдохнула она.

– Нас вызвали два часа назад, и мы сразу объявили его в розыск. Спасибо, что сэкономили нам немного времени.

– Это чистая случайность.

– Вы не могли бы подождать меня, пока я разберусь с парнем? – Лупо показал на старую табачную лавку на повороте дороги. Заведение, как часто бывает в небольших деревушках, также служило кафе-молочной. – Выпейте кофе, я угощаю.

– Насколько я понимаю, выбора у меня нет.

– Думаю, вы знаете это не хуже меня.

Так и было. Коломба послушно направилась в кафе, но вместо кофе заказала чай с лимоном и устроилась за единственным столиком рядом с маленькой витриной. Трое пожилых посетителей обсуждали происшествие на местном диалекте, а продавщица-азиатка переписывалась с кем-то, уткнувшись в телефон.

Коломба увидела, как вдалеке на дороге появился окруженный мягко подталкивающими его карабинерами Томми. Внезапно парень толкнул девушку-капрала на землю и рванулся вперед, но вместо того, чтобы сбежать, запрыгнул в машину «скорой помощи» и забрался внутрь. Больше Коломба ничего не видела, пока не показался Лупо с большим мешком, где лежала одежда паренька. Она снова опустила глаза на свою чашку.

Через десять минут Лупо вошел в кафе и подсел к ней.

– У Томми все нормально, – сказал он.

– У него есть родственники поблизости?

– Насколько нам известно, нет. Сейчас мы отвезем его в агротуристический комплекс в Карточето, где он побудет, пока мы не найдем для него пристанище получше. – Лупо заказал кофе, и продавщица сварила его, не отрывая взгляда от телефона. – Он совершеннолетний, но оставить его одного мы, разумеется, не можем.

Коломбе вспомнились испуганные глаза парня. Ей стало его жаль, хотя в последнее время у нее вошло в привычку жалеть только себя саму.

– Как я понимаю, в момент убийства он был дома, – сказала она.

– По всей вероятности, да. И убежал прямо в домашних тапках. Когда вы его нашли, он вам ничего не говорил?

– Нет, даже имя не назвал. Не уверена, что он вообще умеет говорить.

– А раньше вы его когда-нибудь встречали? Знали его родителей?

– Нет.

– И я тоже не знал. Они держались особняком. – Лупо надел очки для чтения, расстегнул куртку, под которой оказался пуловер с узором из осликов и сомбреро, и достал из кармана лист бумаги. – Его мать звали Тереза, она была родом из Турина. А ее мужа-грека звали Аристид, – сказал он, сверяясь с записями. – Томми – сын Терезы от первого брака. Фамилия его отца – Карабба, но он умер, когда мальчику было лет пять-шесть. Сейчас Томми девятнадцать.

Коломба остановила его, подняв ладонь:

– Спасибо. Но меня это не касается.

– Тут вы, пожалуй, несколько ошибаетесь. – Лупо повозился со стареньким айфоном и протянул его Коломбе. – Вот в каком виде мы сегодня нашли комнату Томми.

На снимке виднелось только изголовье кровати и увешанная фотографиями стена. Она увеличила картинку: на всех фотографиях был запечатлен один и тот же человек.

Она, Коломба.

6

Не говоря ни слова, Коломба вернула Лупо телефон.

«Опять двадцать пять», – подумала она. Еще больше помрачнев, она принялась жевать размякший в чае лимон. А она-то надеялась, что одержимые поклонники остались в прошлом.

Лупо внимательно наблюдал за выражением ее лица:

– Вы не кажетесь удивленной, госпожа Каселли.

– После бойни в Венеции я превратилась в знаменитость. А некоторые фанаты Данте даже считают, что это я приложила руку к его исчезновению.

– Да, я, кажется, что-то об этом читал. В мире полно психов.

– По мнению Данте, семьдесят процентов населения – психи. А среди тех, кто носит форму, их и вовсе сто процентов, – с печальной улыбкой добавила она.

Лупо сочувственно поморщился:

– Этот Торре, должно быть, был отличным парнем.

– И до сих пор им является, – отрезала Коломба и чуть спокойней добавила: – Не знаю, где он, но он жив.

– Конечно, простите. – Фельдфебель участливо улыбнулся. – По словам соседей, Томми почти никогда не говорит, но если пожелает говорить, то может изъясняться, как ребенок.

– Вам нужен специалист. В Риме я была кое с кем знакома, но здесь даже не представляю, кого вам посоветовать.

Лупо виновато улыбнулся:

– А вы сами не хотите попытать удачи?

– Мой долг заключался в том, чтобы отвезти его к кому-то, кто сможет о нем позаботиться, и я его выполнила. На этом мое участие в деле окончено.

– Парень вами восхищается. Может, с вами он все-таки поговорит. Любая дополнительная информация нам бы очень пригодилась.

Коломба стиснула чашку в руках:

– Даже если бы Томми мне что-то рассказал, его показания ничего не стоят. Если у него действительно тяжелая форма аутизма, то он юридически недееспособен.

– Но показания парня помогли бы нам найти виновных в убийстве. А раз уж вы оставили службу, вам, в отличие от меня, не понадобится дозволение начальства, чтобы с ним побеседовать.

Вспомнив свои фотографии на стене, Коломба вздохнула:

– Криминалисты уже провели экспертизу места преступления?

– Нет. В такую погоду даже не знаю, когда они сюда доберутся.

– В таком случае, прежде чем снова встретиться с Томми, я хочу взглянуть на дом, – сказала она для очистки совести, надеясь, что Лупо ей откажет.

К сожалению, он не отказал.

7

В сопровождении Лупо Коломба впервые с детства оказалась в центре Монтенигро. Многие дома этой деревушки романской эпохи опустели и постепенно превращались в развалины. Жили здесь по большей части пенсионеры, которые подрабатывали, продавая найденные в лесу трюфели. Сейчас все они, рискуя получить обморожение, высыпали на улицу полюбопытствовать, что происходит. В деревне было и несколько новых вилл в стиле миланских предместий. К ним относился и выкрашенный охряной краской дом Меласов с просторной верандой, поддерживаемой аляповатыми колоннами из искусственного мрамора.

За двухцветной лентой, перекрывающей подступы к дому, переминались с ноги на ногу несколько замерзших военных. Пожилой бригадир поднял ленту, пропуская их на участок, и Коломба машинально полезла в карман за полицейским жетоном. Разумеется, никакого жетона там не было: в свой последний день в Риме она швырнула его в стену кабинета, едва не попав в голову начальнику мобильного подразделения. Возможно, ее жетон расплавили или раздавили прессом. Она понятия не имела, какая судьба уготована удостоверениям сотрудников, вышедших в отставку.

Они надели латексные перчатки и бахилы, достав их из картонной коробки, лежащей на ступенях перед входом.

– Есть следы взлома? – спросила Коломба.

Лупо покачал головой:

– Я ничего такого не видел.

Снова густо повалил снег. В водосточных трубах журчало, окна походили на бельма слепца. Пройдя через заваленную обувью и зонтами прихожую, они попали на кухню. В мойке валялась бутылка минералки с почти полным отпечатком окровавленной руки. В таких же отпечатках был и холодильник, а на полу темнели кровавые следы босых ног. Коломба не сомневалась, что это следы парнишки.

– Ну и бардак, – пробормотала она.

– Да, Томми набедокурил. Отпечатки пальцев принадлежат ему, мы проверили, пока его переодевали.

Оставленные пальцами багровые полосы привели Коломбу сначала в коридор с увешанными фотографиями хищных птиц стенами, а затем в гостиную. На главной стене висели свадебные снимки Меласов: невеста в тесноватом в талии белом платье излучала безудержное счастье, а жених – спортивный мужчина в черном – улыбался в объектив.

Лупо достал из кармана листок бумаги и снова надел очки.

– Согласно документам, они поженились полтора года назад. Но мы только мельком просмотрели данные, пробив их по базе, на большее времени пока не хватило. – Фельдфебель локтем подтолкнул дверь в супружескую спальню. – Их убили здесь. Зрелище не из приятных, – сказал он. – Можете не смотреть, если не хотите.

– Не сомневайтесь, я видала и похуже, – сказала Коломба.

Она оказалась права, однако взгляду ее предстала и впрямь омерзительная картина. Тела Меласов будто побывали под колесами грузовика, причем, переехав их, водитель еще раз сдал назад. Оба лежали на пропитавшейся кровью кровати – муж на боку, с запутавшимися в постельном белье ногами и полуотрубленной кистью руки, жена на животе. Правая нога женщины соскользнула на пол, словно, когда ее убили, она пыталась сбежать. Ее большая берцовая кость торчала наружу. Удары наносились с такой силой, что его пижама в красную полоску и ее кружевная ночная сорочка превратились в лохмотья. Коломба полагала, что смерть супругов наступила в результате ударов по голове. Затылок мужчины был расплюсчен, оторванный кусок скальпа спадал на лоб. Голова женщины заканчивалась над бровями – дальше были только волосы и серое вещество.

Коломба ощутила во рту тошнотворный кислый привкус лимона.

– Орудие убийства нашли?

– Пока нет. Как думаете, что это?

– Судя по форме ран, скорее всего, большой тяжелый молоток, вроде плотницкого, с квадратным бойком.

– И сколько, по-вашему, было нападающих?

– Я вам не криминалист, – сухо ответила Коломба.

– Но вы служили в отделе убийств, и опыта у вас побольше, чем у меня.

– Я полагаю, что обе жертвы убиты одним оружием. – Коломба показала на потолок, исчерченный скрешивающимися, будто дуги бочарного свода, полосами крови. – Вертикальные полосы оставлены убийцей, когда он снова заносил оружие после нанесенного удара. Горизонтальные...

– Когда он менял цель. Вперед и назад, – сказал Лупо, продемонстрировав, что разбирается в криминалистике гораздо лучше, чем хочет показать. – Значит, нападающий был один.

– Их могло быть хоть десять при условии, что они передавали друг другу оружие и сохраняли одинаковый угол наклона.

– Однако это довольно маловероятно.

Коломба заколебалась, не зная, как лучше ответить. Настойчивость Лупо ей была не по душе.

– Выйдем там.

Они вернулись в украшенную фотографиями погибших гостиную, и Коломба представила эти снимки на могильных камнях.

– Думаете, это было ограбление? – спросил Лупо.

– А *сами-то* вы что думаете?

– Обычно я занимаюсь украденными телятами и сварам между соседями, – ответил Лупо, пожав плечами. – Мое мнение немногого стоит.

– Бывает, что при виде таких изуродованных трупов тошнит даже опытных полицейских, а ваша реакция показалась мне очень спокойной.

– Иногда угон скота плохо кончается.

Коломба покачала головой: если Лупо и дальше собирается корчить из себя деревенского дурачка, это не ее проблема.

– Грабитель убивает, чтобы его не опознали, от страха или в наказание за отказ выполнять его приказы. А Меласов убили во сне или почти во сне.

– И молоток не орудие закоренелого убийцы, а значит что? Выходит, преступление совершено в состоянии аффекта?

Глаза Коломбы стали светло-зелеными.

– Хватит ходить вокруг да около. Вы думаете, что убийца – их сын. И надеетесь, что он расплатится у меня на плече и во всем признается.

Лупо улыбнулся:

– Что вам сказать, госпожа Каселли? Я рассматриваю все возможности.

– Какой у Томми мог быть мотив?

– Парень болен, ему не нужны причины.

– Аутизм – это синдром, а не болезнь, – сказала Коломба. – Люди с тяжелой формой аутизма – такие, как Томми, – иногда наносят другим увечья в приступе ярости или не рассчитав собственной силы. Но зарубить своих спящих родителей – совсем другое дело.

– Джеффри Дамер был аутистом.

– Возможно, у него был синдром Аспергера, – ответила Коломба. – Он был совершенно не похож на Томми, который даже не в состоянии сам о себе позаботиться. Парень мог заставить родителей врасплох, но не мог убить их обоих так быстро, что они не успели отреагировать. У него слишком плохая координация движений. Я видела, как он ходит.

– Может, ему повезло.

– Поглядим на его комнату.

Сначала Коломбе показалось, что она попала в кладовую. Единственное окно было заложено картонкой, и в комнате не было ничего, кроме узкой кровати, сундука и маленького шкафа без дверок, где хранилась одежда Томми. На постельном белье был принт с диснеевскими персонажами, старенький компьютер стоял на столике рядом со столь же старым, но прекрасно сохранившимся струйным принтером. Однако прежде всего взгляд Коломбы привлекли ее фотографии, которых было не меньше ста. Снимками, напечатанными на листах А4 или вырезанными из газет, Томми завесил почти все стены и часть потолка.

– Ну и видок, а? – сказал Лупо. – Думаете, они его тут запирали?

Коломба обвела комнату изучающим взглядом:

– Нет. Здесь нет ни засова, ни веревок. Возможно, так ему было комфортнее.

– Или он считает себя вампиром.

Притворившись, что не слышала, Коломба принялась изучать кровать и пол. Скомканные простыни, никакой крови: Томми не возвращался в свою комнату после того, как нашел родителей мертвыми. Или после того, как их убил. Он убежал прочь в чем был, даже не накинув куртку.

– Фельдфебель, вы не оставите меня одну на несколько минут?

– Что-то не так?

– Нет, мне просто нужно спокойно обдумать одну идею.

– Только не задерживайтесь, пожалуйста. Если вас здесь увидят, мне придется как-то объяснить ваше присутствие.

– Не беспокойтесь.

Лупо вышел. Дождавшись, пока затихнет шелест его бахил, Коломба включила компьютер Томми, надеясь, что он не запаролен. Пароля не было. Быстро отыскав папку со своими фотографиями, она удалила ее, очистила корзину и запустила программу очистки диска. Может, файлы и удастся восстановить какому-нибудь специалисту, но по крайней мере не первому попавшемуся журналюге, который даст на лапу карабинерам, чтобы его впустили в дом. Она выключила компьютер и принялась срывать со стен фотографии, начав с той, где на ней была форма с нашивками комиссара. Некоторые снимки были распечатаны на бланках некоего доктора Палы, «подросткового психиатра и терапевта», который, судя по указанному адресу, принимал неподалеку. Скомкав фотографии, Коломба сунула их под куртку. С опустевшими

стенами комната стала казаться еще мрачнее и тревожней. Данте просто помер бы в таком местечке, подумала она. Возможно, для Томми все наоборот.

«Не забывай, он прошел пешком три километра».

Погасив свет, она вышла из дома и поняла, что успела как раз вовремя: у калитки был припаркован фургон с эмблемой экспертно-криминалистического отдела, а криминалисты уже надевали комбинезоны, переговариваясь с Лупо. Она с невозмутимым видом быстро зашла за угол и оставшимися в кармане спичками подожгла макулатуру. Когда к ней подошел Лупо, от фотографий остался только пепел.

Фельдфебель покачал головой:

– Да вы молодец. Снимаю шляпу! Спасибо, что одурачили меня!

– Они попали бы в газеты еще раньше, чем фотографии убитых, – искренне ответила Коломба. – В Риме люди приходили ко мне домой, чтобы поведать мне свои теории. Не хочу, чтобы стало известно, где я сейчас.

– Я не доложу о вашем поступке только из уважения к тому, что вы пережили. Только не слишком наглейте, *Венецианская Героиня*.

– Не называйте меня так, – сквозь зубы процедила Коломба.

– Это прозвище не я придумал. Так вы собираетесь выполнить свое обещание или как?

– Помочь вам подставить Томми?

– Никого подставлять я не собираюсь. Я только хочу сэкономить время.

– Вам пришлют кого-нибудь помочь в расследовании.

– Это моя территория, госпожа Каселли. Вы идете или нет?

– Что бы ни сказал мне парень, показаний я не дам. Ему придется по собственной воле повторить свои слова кому-нибудь другому.

– Еще условия есть? Может, вам лимузин подать?

Коломба покачала головой:

– Забудьте, где я живу. Сможете?

Лупо кивнул:

– Я покажу вам дорогу.

8

Агротуристический комплекс «Гнездо», где держали Томми, пока его не заберут родственники или соцслужбы, представлял собой облагороженное подобие деревенского дома Коломбы. «Гнездо» было втрое больше и могло похвастать собственным бассейном и конюшней, окруженной парком, в котором с явным отвращением топтали снег два пегих пони.

Томми поселили в комнате на одного с опущенными жалюзи и единственным включенным светильником, поручив его заботам рыжеволосой девушки-карабинера и ее пожилого сослуживца. Парень, сидящий на кровати в спортивных штанах и слишком короткой желтой майке, показался Коломбе еще более огромным и, должно быть, весил почти сто пятьдесят килограммов.

– Кончо, поднимите жалюзи, а то мы как в погребке.

– Ему так больше нравится, фельдфебель, – ответила Рыжая. – Он не любит открытые пространства. Вопил всю дорогу.

– Он прошел пешком три километра, – заметил Лупо. – Так что открытого пространства навидался вдоволь.

– Он был в шоке. Видели, в какой комнате он жил? – сказала Коломба.

– Ну ладно, видел. Вы двое, выйдите в коридор, – велел Лупо. – Я вас позову.

– Есть! – отозвались карабинеры и вышли.

– Вы тоже, фельдфебель, – сказала Коломба.

– Я и рта не открою.

– Если бы Томми хотел с вами поговорить, он бы это уже сделал. На выход.

– Я буду за дверью.

Закрыв дверь перед его носом, Коломба придвинула стул к кровати Томми. Тот, покачиваясь на ягодицах, раскладывал пасьянс. Он выбирал карты без всякого смысла и точно рассчитанными движениями клал их на кровать.

Коломба снова ощутила прилив жалости и такую боль, будто перенапрягла атрофированную мышцу. Несмотря на свой вес, паренек выглядел беззащитным, как мультяшный медвежонок.

– Привет, Томми, – с фальшивой улыбкой сказала она. – Как ты себя чувствуешь? С тобой хорошо общались?

Томми продолжал играть, но уже медленнее и подглядывал за ней краем глаза.

– Мне очень жаль, что так случилось с твоими родителями. Я приехала на случай, если ты хочешь со мной об этом поговорить.

Карта Томми замерла в воздухе. Наконец он медленно положил ее на кровать и что-то забормотал. Коломба впервые услышала его алыт.

– Ты хочешь, чтобы я тебя защитила? Или хочешь мне что-то рассказать?

Томми замурлыкал мелодию из телерекламы. Музыка и интонации были точь-в-точь такими же, как в ролике, но в словах не было никакого смысла.

Коломба ощутила приступ раздражения, но тут же его подавила.

– Томми, давай попробуем еще раз. Вот что я тебе скажу. Мое присутствие здесь ставит меня в трудное положение. Я совершенно не хочу заниматься таким страшным делом, как смерть твоих родителей. Если я это делаю, то только потому, что надеюсь тебе помочь.

Парень продолжал молчать, но Коломбе показалось, что он ее понял.

– Ты сделал что-то нехорошее?

Томми по-детски размашисто покачал головой.

– Ты разозлился и сделал родителям больно?

Нет.

– Ты мне правду говоришь?

Томми кивнул.

Коломбе хотелось ему верить.

– Ты видел, кто это был? Ты его знаешь?

После невыносимо долгого молчания Томми положил очередную карту, но так ничего и не ответил.

– Мне бы на твоём месте тоже было страшно, – сказала Коломба. – Но здесь тебе ничто не угрожает. Никто не сделает тебе ничего плохого.

Томми застыл в нерешительности, а потом дрожащими руками разложил на одеяле карты рядами по возрастанию и мастям. Закончив, он поднял указательный палец.

– Я должна взять одну?

Томми кивнул.

Коломба улыбнулась:

– Некоторые без конца треплют языком, так что и разобрать невозможно, о чем они толкуют... Ты не из таких.

Она протянула руку за случайной картой, но Томми слегка ударил по одеялу. Коломба замерла: он хотел, чтобы она не просто взяла карту, а выбрала именно ту, которую он загадал.

– О'кей. Не эта. Правее, левее?

Она кругами водила рукой над картами... пока Томми не принялся лихорадочно колотить по постели. Коломба снова замерла: ее пальцы парили над королем монет. Когда она поднимала карту, парнишка с испуганным видом отвел глаза. На лицевой стороне короля, масть

которого во французском Таро соответствовала бубнам, был изображен профиль длинноволосого молодого человека в мантии и короне. На шее у него висела цепь с крупным медальоном, а в руке он держал топор. Его освещало маленькое солнце – золотая монета, в центре которой краснело смеющееся лицо. Раньше Коломба никогда не обращала внимания на подобные детали, и теперь они показались ей скорее пугающими, чем любопытными. Топор мог представлять собой орудие убийства, но почему именно король?

Она развернула карту к Томми, но тот на нее не смотрел.

– У тебя дома побывал мужчина с длинными волосами? Или в странном головном уборе?

Томми покачал головой.

– Вор, который украл деньги?

Снова нет.

Коломба пыталась придумать очередной вопрос, когда в комнату вошел Лупо. К его чести, в дверь он постучал, правда, ответа не дождался.

– Судмедэксперт хочет осмотреть парня. Думаете, я могу...

Томми словно ударило током. Опрокинув ночной столик, он так резко вскочил с кровати, что карты разлетелись по всей комнате, а потом закрыл глаза и со сведенными за спиной руками встал лицом к стене. Его била дрожь, из груди его вырывалось шумное дыхание.

Лупо пощелкал пальцами перед лицом Рыжей, которая ошеломленно застыла на пороге:

– Проснись. Позови врача. У парня припадок.

Коломба почувствовала себя так, будто припадок у нее. Ее затрясло так же, как и Томми. «Это невозможно», – подумала она.

Но разве она не видела его в той же позе в сарае для инструментов? Тогда она не поняла, что это значит, потому что не видела его лица, но сейчас...

Томми стонал и всем телом прижимался к стене, словно пытаясь просочиться сквозь нее. Из его приоткрытого рта тянулась нитка слюны. С трудом вырвав себя из неподвижности, Коломба обняла паренька сзади и простояла так несколько секунд, дыша с ним в унисон.

– Все хорошо, Томмазо. Ты в безопасности. Ты молодец, сынок, – прошептала она ему на ухо.

Она намеренно употребила слово «сынок», хотя оно обжигало ей рот. Томми резко расслабился, едва не упав на нее, а потом принялся собирать разбросанные карты по возрастанию и мастям.

Тем временем Рыжая вернулась с седобородым мужчиной в костюме-тройке. Не будь ему за семьдесят, он мог бы сойти за хипстера, но это был судмедэксперт.

– Всем покинуть комнату, – властно распорядился он. – И в следующий раз спрашивайте врача, можно ли с ним пообщаться. Спрашивайте меня.

Коломба вышла, как только он начал говорить, и Лупо догнал ее в коридоре.

– Я не думал, что так его напугаю. Раньше он даже в лицо мне не смотрел.

– Наверное, это от неожиданности. Не знаю. Спросите у врача, – сухо сказала Коломба и ускорила шаг.

– Если он скажет, что с парнем все хорошо, можем попробовать еще раз. Опять же неофициально.

– Нет.

– Почему нет?

– Потому что я больше ничем не могу вам помочь, фельдфебель. Если вам нужно признание, то он его не сделает. Не только потому, что он, как мне кажется, не способен объясниться, но и потому, что, на мой взгляд, он не убийца.

Она попыталась обойти Лупо, но тот преградил ей дорогу.

– Госпожа Каселли, вы сами видели их дом. Одежда, отпечатки...

– Дайте пройти.

- Я еще понимаю, что он испугался, но вы...
- Я не испугалась. Меня просто раздражает, что вы даром потратили мое время.
- Вы не умеете врать, госпожа Каселли. Что вам сказал парень?

Коломба обогнала его и села в машину, готовая к тому, что Лупо прыгнет на капот, чтобы ее остановить, но этого не случилось. На муниципальной дороге в Медзанотте она вдавила педаль газа в пол, и цепи застучали по асфальту. Пару раз она теряла управление и едва избежала лобового столкновения с каким-то фургоном, но так или иначе успевала выйти из заноса. Она не осознавала, что находится за рулем, и вела машину будто на автопилоте. За дорогой следила лишь крохотная искорка ее сознания, но все ее мысли вернулись на три года в прошлое.

В тот день в сельской местности под Римом Коломба стояла перед десятью ржавыми грузовыми контейнерами, расставленными на заросшем травой гумне старой фермы. Местность оцепили спецподразделения, и саперы обезвредили заминированные люки. Когда их открыли, солнечный свет упал на запертых внутри людей, старшему из которых было двадцать, а младшему – всего шесть лет. Почти все они были в ужасном состоянии. Некоторые, пошатываясь на ватных ногах, бросились бежать, но большинство так и остались стоять, каждый в собственной темнице. Дети были покорны воле человека, возомнившего себя Господом Богом, который без помех орудовал в течение тридцати лет, похищая детей, убивая их или выращивая, как бройлерных цыплят, и внушая им верховный порядок – порядок, карающий заслушание смертью.

«Никогда не смотреть наружу».

Когда люк открывался, им следовало развернуться лицом к ближайшей стене, сведя руки за спиной.

Так же, как сделал это Томми.

Коломба не знала, как и когда, но Томми, как и Данте, побывал узником Отца.

Глава вторая

1

Отец в ящике вместе с Данте. Данте слышит его дыхание, его слабый насмешливый голос, чувствует его прикосновение. Данте не может сбежать, не может даже изменить позу. Он не может достать лбом до крышки ящика, иначе разбил бы ее ударами головы. Если бы не кляп, он умолял бы о пощаде, зубами разорвал бы себе вены.

Почему он не умирает? Данте молит Господа, в которого не верит, чтобы тот умертвил его, испек его на месте. Отдающиеся в голове крики становятся оглушительными, он дрожит и пускает слюни.

Придя в себя, он не знает, сколько времени провел без сознания; он столько выстрадал, что теперь почти спокоен. Отца больше нет рядом. Коломба убила его, чтобы спасти им с ней жизнь.

Данте старается как можно меньше думать о силосной башне под Кремоной, где Отец запер его на тринадцать лет, однако сейчас предпочел бы находиться в башне. Там, по крайней мере, было отхожее ведро, а не подгузник для взрослых, который, как он понял на ощупь, надет на нем сейчас.

Относительное спокойствие исчезает, Данте ощущает, как внутри его снова просыпается пускающий слюни идиот. Он сосредоточивается на примитивном виде медитации, которому научился самостоятельно и который он до сих пор использовал только в борьбе с абстинентным синдромом, когда долго не принимал лекарства. Он визуализирует образ, который ассоциируется у него с покоем и благополучием, – Гудетаму². Это персонаж японских мультфильмов – яичный желток с ручками и ножками, который все время спит и поет. Мастер дзен такого бы не посоветовал, но Данте верит в свободу выбора. Гудетама оказывает на Данте требуемый эффект, его дыхание выравнивается. Данте представляет, как вялый, ленивый Гудетама выползает из отверстия в ящике и ложится на крышку, чтобы подышать свежим воздухом. Если Данте постарается, он тоже сможет выбраться, ведь свобода всего в паре сантиметров.

Боясь, что Отец снова его похитит, Данте всю жизнь учился высвобождаться из цепей, из-под замков. Он может взломать висящий замок, зажав зубами шпильку, выпростаться из смиренной рубашки, вывихнув плечи, и ударить по металлическим наручникам так, чтобы они открылись. С пластиковыми стяжками еще легче. Его изуродованная левая рука – сплошная рубцовая ткань. Пястные кости так и не срослись, и ладонь его стала гибкой и подвижной. Данте рывками дергает рукой в петле, пластик режет ему кожу. Гудетама ерзает, поет. Данте снова укладывает его на крышку. Изуродованной рукой он высвобождает вторую и обе щиколотки и наконец вытаскивает изо рта кляп. Кляп был застегнут на затылке, и теперь, увидев его, Данте понимает, что это резиновый шарик из тех, что кладут себе в рот мазохисты, чтобы приглушить крик. Он гадает, как отреагировала бы Коломба, предстань он перед ней в таком виде. Ведь у нее такой... классический образ мыслей. Он скучает по Коломбе, но боится думать о ней, помня, как она держалась за свой вспоротый живот с широко распахнутыми от потрясения и боли глазами. Данте не знает, сколько времени прошло (часы? дни?), но у него все еще не укладывается в голове, что Коломба не защитила его от похитителя, не одолела плохих парней, как Чудо-женщина из комиксов. Обищаясь

² Гудетама – ленивый желток, персонаж японской мультипликации, воплощение грусти, депрессии и лени.

с ней в качестве... консультанта, Данте приучился на нее полагаться. Рядом с ней он чувствовал себя в безопасности, под защитой.

Его к ней тянуло.

Однако воспоминания о прошлом его не спасут. Данте разминается, насколько это возможно в ограниченном пространстве, где между ним и решеткой всего тридцать сантиметров. Он пытается выбить крышку, но та не поддается и даже не скрипит.

Как могильный камень.

Ему не следовало думать о могиле, и Гудетама исчезает. Данте бьет по доскам руками и лбом, пока кровь не застилает ему глаза, теряет сознание и приходит в себя с привкусом рвоты во рту. Необходимо выбраться, пока он окончательно не обезумел.

Данте массирует онемевшую здоровую руку, ощупывает ею углы крышки над своей головой: ни петель, ни направляющих. Крышка заколочена снаружи.

Он обещает себе, что, если сейчас же не найдет способ ее открыть, перережет себе вены. Можно воспользоваться острым двухсантиметровым шпильком от застёжки кляпа. Как ни странно, в полубреду мысль о самоубийстве кажется Данте почти бодрящей: он не умрет, как трус, все произойдет быстро и почти безболезненно.

Но пока у него есть другие дела. Ощупывая дно ящика, он внезапно чувствует что-то странное – круглые метки величиной с ластик на карандаше. Он надавливает на один из них ногтем, и деревянная крышечка отлетает. А под ней...

Не может быть, это очередной сон. И все же его пальцы, натренированные тысячами одиноких экспериментов, не могут ошибаться.

В отверстии болт-самокрут из тех, с помощью которых фокусники показывают трюк «гайка и болт», скрывая двойное дно. Выглядит он обыкновенно и снаружи закручен гайкой, но гайка не затянута до конца резьбы, поэтому болт можно развинтить, не прикасаясь к нему. Данте чувствует, как он прокручивается под его ногтями. Доска поскрипывает, и щель между дном и стенками становится шире. Данте один за другим развинчивает все четыре болта в углах ящика. И дно отходит.

Поджав ноги к тощей груди, Данте толкает крышку ступнями. Тяжелый сундук приподнимается. Внутрь проникает порыв свежего воздуха, отдающего пылью и травой. Данте, превратившийся в комок нервов и ноющих мышц, выкатывается наружу, и сундук с глухим, отдающимся в пустоте звуком падает на место. На несколько мгновений потеряв рассудок, он с криком срывает с себя подгузник, извиваясь на ледяном бетонном полу.

Однако помешательство быстро проходит. Данте с трудом поднимается на ноги, но его переполняет ярость. Он готов сразиться с любым, кто снова попытается его запереть. Всегда ненавидевший насилие, теперь он намерен драться зубами и когтями и даже к этому стремится. Он вспоминает лицо человека, называвшего себя Лео Бонакcorso, и мечтает стереть улыбку с этого лица. Закрыть Лео в тесной камере, чтобы тот почувствовал себя в его шкуре. Но прежде всего Данте спросит его, какого хрена тот запер его в гребаном сундуке иллюзиониста. Ничего получше не нашлось? Или это какая-то садистская шутка? Данте поднимает с пола кусок электрического кабеля диаметром с банан и длиной в два банана. Он готов затолкать его Лео в глотку и надеется причинить ему боль.

Но вокруг ни души. Данте находится в прямоугольном складском помещении длиной метров сто. Потолок подпирают бетонные колонны. В его ящик пробивался свет луны, проникающий в грязное слуховое окно. Луна уже почти зашла, небо проясняется. Склад выглядит старым и заброшенным. Ветка какого-то дерева разбила одно из окон и проросла внутрь, сквозь усыпанный гнилой листвой пол пробилась ползучие растения. Снаружи доносится клекот какой-то хищной птицы и вой ветра. Большие не слышно ничего. Ни машин, ни голосов, ни электрогенераторов – ни единого звука, ассоциирующегося с цивилизацией. И запах, с запахом тоже что-то не так. Венеция пахла соленой водой, жареным, водорослями и табаком. Здесь

же пахнет глушью, пластиком, давним пожаром. И совсем не пахнет человеком, не считая самого Данте.

Ему вспоминается «День триффидов»³. «Нация Z»⁴. Что, если, пока он был заперт в сундуке, наступил апокалипсис? Теперь, когда к нему почти полностью вернулся рассудок, он осознает: в том, что он не сошел с ума окончательно, есть не только его заслуга. Всю свою взрослую жизнь он регулировал свои настроения и симптомы с помощью лекарственных препаратов и сейчас чувствует следы химии в своей крови. Вероятно, какой-то нейролептик или успокоительное. Выйдя на свет, Данте осматривает свое тело. Вспухшие вены на руках, полопавшиеся капилляры, синяки. Следы от уколов. Его усыпили.

Как долго он проспал?

Он проводит рукой по своей редкой и мягкой щетине. Похоже, что он брился пару дней назад. Но откуда ему знать, не побрили ли его во сне. На него накатывает паника. Позабыв о странности своего положения, Данте сломя голову бросается к облупленной железной двери склада. Протягивая к ней здоровую руку, он успевает вообразить, как безуспешно дергает за ручку и умирает от голода взаперти.

Но дверь открывается, таща за собой усики ползучих растений, и Данте попадает в центр просторного бетонного двора. Он на разрушенной военной базе. Некоторые из построек напоминают советскую архитектуру времен холодной войны. В глубине виднеется здание, которое он никогда раньше не видел, но немедленно узнает. Оно почти не отличается от строения, которое он вообразил или видел во сне. Как только не называли это место, но для узников название существовало лишь одно.

Коробка.

2

Удача, сопутствовавшая Коломбе всю поездку, отвернулась от нее на последнем повороте грунтовок перед ее домом, и «панда» застряла носом в полном ледяной воды кювете. Коломба очнулась от раздумий, только ударившись лицом о руль и разбив губу. Она плохо помнила, как возвращалась из агротуристического комплекса, но еще ощущала, как позвоночник ноет от страха.

Но чего ей бояться?

Отец мертв. Выжило всего одиннадцать его узников, включая Данте, и Томми не был одним из них.

«Ты так в этом уверена?» – спросила она себя.

Они знали об Отце не все. Далеко не все. Он умер, не оставив чистосердечного признания в содеянном, а его единственный известный сообщник Немец отбывал пожизненный срок в упрямом молчании. Так, может, была и другая темница, которую они так и не нашли? И другие узники?

Вытерев губу тряпкой для протирки стекол, Коломба бросила машину на произвол судьбы. Сгребаясь под порывами холодного ветра, добралась до дому, продезинфицировала губу и заварила себе чая, настолько горячего, что он обжег ранку.

Она не могла выбросить из головы испуганный взгляд Томми, но в конце концов заставила себя сосредоточиться на более насущных проблемах. Например, на нарастающем на оконных стеклах инее и влажном холоде, исходящем от дивана.

³ «День триффидов» (1951) – научно-фантастический роман Джона Уиндема. Согласно сюжету романа, на Земле разводятся триффиды – подвижные хищные растения, из которых получают ценное масло, но однажды триффиды начинают охотиться на людей и захватывают весь мир.

⁴ «Нация Z» (2014–2018) – американский постапокалиптический сериал.

«Выходи. Или добудешь дрова, или закоченеешь насмерть».

Вторая возможность показалась Коломбе весьма заманчивой, но она все же предпочла первую. Она расчистила дровяной сарай от снега, обрушив на себя несколько маленьких лавин, и достала из коробки с инструментами старый топор, хранившийся вместе с гвоздями. Перед глазами ее продолжала стоять нескладная фигура Томми, который, дрожа, прижимался к стене темного сарая. В надежде, что призрак останется снаружи, она закрыла за собой дверь и принялась рубить дрова. Задача потребовала немало времени и труда – не только из-за затупившегося топора, но и потому, что через каждые пару ударов Коломба замирала и прислушивалась. Не слыша стороннего шума, она начинала тревожиться, хотя была почти уверена, что сегодня больше никаких вторжений, будь то реальных или воображаемых, не предвидится.

Почти уверена.

Отец был мертв, а в зомби Коломба не верила. Даже если Томми действительно побывал в заточении у этого старого психа, это еще не значит, что он не убивал свою семью. Психологическая травма могла бы даже послужить ему оправданием. Если, конечно, парень и правда был похищен Отцом.

Томми вполне мог увидеть эту позу в какой-нибудь документалке или услышать о ней в интервью одного из выживших. Как минимум двое из них были способны связно выражаться и сотни раз давали интервью. Или это просто совпадение.

«Какова вероятность, что в трех километрах от твоего дома живет жертва Отца, о которой никто никогда не слышал? Меньше, чем если в тебя ударит молния в тот самый момент, когда выигрываешь в рулетку».

И все-таки комната Томми походила на одну из темниц Отца. И была увешана ее фотографиями.

Наполнив тачку поленьями, Коломба выложила их на кухне, но разжечь камин оказалось еще сложнее, чем нарубить дров. Дымоход почти не тянул, скомканные газеты все время гасли, и в конце концов она вылила на них бутылку пятновыводителя. Комнату наполнил запах керосина, зато огонь вспыхнул так резко, что Коломба чуть не осталась без бровей.

Достав из кармана прихваченную с собой карту Томми, она заткнула ее за раму зеркала в ванной. Король, богач, вождь... Нужно снова поговорить с Томми и попытаться понять, что все это значит.

Кроме карты, в ее кармане нашелся обрывок бумаги с адресом психиатра. Тот жил недалеко от нее.

Сетуя, что дурная голова ногам покоя не дает, Коломба обнаружила, что телефон заработал, и вызвала такси.

3

Доктор Пала жил и принимал пациентов в возвышенной части Сан-Лоренцо, неподалеку от бенедиктинского аббатства седьмого века. Дубовую дверь с латунной фурнитурой открывала одетая в коктейльный костюм чернокожая женщина с африканскими косичками. Потолок в темном, благоухающем пачулями холле был расписан фресками.

Женщина улыбнулась Коломбе, стоящей на пороге в попахивающей мокрой псиной парке.

– Добрый день, проходите, пожалуйста. Если вы напомним мне, как вас зовут, я проверю вашу сегодняшнюю запись.

– Я без записи. Мне нужно только поговорить с профессором. Десять минут максимум. Моя фамилия Каселли.

– К сожалению, он ожидает пациента...

– Я насчет Томмазо Караббы. Томми. Или Меласа, не знаю, под какой фамилией он у вас записан.

Секретарша смерила Коломбу оценивающим взглядом:

– Мелас... Можете сообщить мне что-то еще?

– Нет.

Секретарша усадила ее в приемной, которая представляла собой погруженный в полутьму будуар с кожаным диванчиком и двумя офортами де Кирико⁵. Через пару минут из кабинета вышел корпулентный мужчина лет шестидесяти с длинными белоснежными волосами. На шнурках на его шее висели две пары очков. Одет он был в черный свитер, черные брюки и такие же черные вьетнамки на ступнях с холеными ногтями.

– Проходите, госпожа Каселли, – пригласил психиатр.

Кабинет был обставлен разноцветной резиновой и пластиковой мебелью и украшен постерами с изображениями природы, метровой фигуркой Пиноккио и грифельной доской со спряжением глагола «быть». Коломба опустилась в креслице, с виду собранное из кирпичиков лего.

– У Томми все в порядке? – спросил Пала, усаживаясь в оранжевое кресло напротив.

– Да, но я вынуждена сообщить вам печальную новость. Сегодня ночью его родителей убили.

Пала казался ошеломленным:

– Господи... Кто?

– По мнению карабинеров, убийца – Томми. Но я его видела и сильно в этом сомневаюсь.

– Вы его родственница?

– Я раньше работала в полиции. Коломба Каселли, можете погуглить.

Пала откинулся в кресле:

– В этом нет необходимости. Конечно, я вас не узнал из-за короткой стрижки, да и вообще не думал увидеть вас здесь... Но Томми ваш большой почитатель, комиссар.

– Вообще-то, я заместитель начальника мобильного подразделения. То есть раньше была.

– Значит, к Томми у вас не профессиональный интерес.

– Нет. Только личный.

Пала покачал головой:

– Дайте мне пять минут. Я сделаю пару звонков, если хотите, можете остаться.

Он попросил Катерину, девушку из приемной, отменить следующего пациента и вытащил из стола пачку ванильных сигарилл:

– Хотите?

– Нет, спасибо.

Пала открыл окно, выходящее во внутренний дворик, похожий на монастырский, и закурил. Задувающий в комнату ледяной ветер его, казалось, нисколько не тревожил.

– Как их убили? – после минутной нерешительности спросил врач.

– Забили молотком во сне.

Несколько секунд Пала молча курил.

– Знаю, глупо спрашивать, но... смерть была мучительной?

– Если они и успели проснуться, то, по всей вероятности, сразу потеряли сознание.

– Раз они находились в своей спальне, то, очевидно, не вторгались в личное пространство Томми...

– Точно.

⁵ Джорджо де Кирико (1888–1978) – итальянский художник, близкий к сюрреализму.

– В таком случае я не верю, что он убийца. Он аутист, и приступы ярости не возникают у него без триггеров. Разумеется, есть вероятность, что Томми расценил какой-то их поступок как угрозу, но я ее исключаю: мать умела с ним обращаться. Значит, убийца – кто-то другой.

Коломба подумала, что Лупо, заиклившись на своей версии, нелегко было бы смириться с подобным выводом, но в глубине души тоже предпочитала отбросить подозрения, что парнишка виновен.

– Нет ли у вас соображений, кто мог это сделать? – спросила она.

– Для начала объясните, чем вызван ваш личный интерес.

– Сегодня утром Томми прибежал ко мне домой. Он был испачкан в крови своих родителей.

Пала казался озадаченным:

– Вы живете в Монтенигро?

– Нет, в Медзанотте, в Валфорнаи.

– Томми никогда не выходит на улицу один. У его матери частенько не получалось отвезти его сюда, и тогда мне приходилось ехать к ним. Он чрезвычайно боится открытых пространств. Чтобы проделать такой путь, он должен был до смерти перепугаться.

– Так и было.

– Я должен на него взглянуть... Как думаете, мне позволят с ним встретиться?

– Это зависит от магистрата и эксперта, назначенного судом. Они должны установить, что он невменяем.

– Томми вполне вменяем. Ему просто нужно помогать. – Психиатр выпустил облако дыма. – Мне не следовало бы обсуждать с вами своего пациента.

– Я, конечно, не могу заставить вас со мной откровенничать, доктор. Но предупреждаю, что скоро вместо меня явится некий фельдфебель, которому не терпится закрыть дело.

– Похоже, вы не слишком верите в своих коллег.

– Бывших коллег. Если вы хотите защитить Томми, не отвечайте на их вопросы и проконсультируйтесь с адвокатом. Пройдет некоторое время, прежде чем они вынесут постановление, и, возможно, всплывут новые факты.

– Например?

Коломба покачала головой:

– Не знаю. Помогите мне.

Пала потушил сигариллу о карниз и снова сел в кресло.

– Вопросы будем задавать по очереди.

Коломба решила, что не расслышала:

– Простите?

– Я вас не знаю и не уверен, стоит ли вам доверять. Вы и представители сил правопорядка можете доставить неприятности мне или Томми. Значит, вопросы будем задавать друг другу по очереди, по одному зараз. Либо так, либо никак. Можете хоть наставить на меня пистолет, который носите за поясом.

Коломба заметила, что из-под задравшейся полы ее свитера торчит рукоять пистолета. Она оправила свитер.

– У меня есть разрешение на ношение оружия.

– Очень на это надеюсь. Начнем с вас. Что вы желаете узнать?

– Как долго вы наблюдаете Томми?

– Семь месяцев.

– А что было до этого?

Пала улыбнулся:

– Моя очередь. Вы полагаете, что Томми невиновен, только потому, что видели, как он напуган, или у вас есть на то другие причины?

– Я ничего не полагаю. Теперь моя очередь.

– Стоп. Не уходите от ответа.

Коломба недружелюбно посмотрела на него:

– Вы переписываете правила как вздумается... Скажем так: я сомневаюсь в его виновности. И хочу развеять свои сомнения. Ответьте на мой предыдущий вопрос.

– Меласы не местные. Восемь месяцев назад они переехали сюда из Греции. Раньше мать не могла позволить себе оплачивать услуги специалиста, поэтому мальчик наблюдался в греческой государственной больнице. Моя очередь. Что вам мешает попросту забыть об этой истории? Чувство долга?

– Чувство вины. Его мне вполне достаточно, – сказала Коломба и помолчала. Не в ее характере было откровенничать с незнакомцами. – Учитывая состояние Томми, имеются ли у вас основания полагать, что он подвергался насилию?

– Вы имеете в виду сексуальное насилие? – Пала выглядел встревоженным. – Думаете, кто-то его насиловал?

– Вы не ответили.

– Потому что это щекотливый вопрос, – после минутного размышления сказал Пала. – У аутистов, подвергнувшихся насилию, часто наблюдается повышенная склонность к аутоагрессии. Например, они могут компульсивно грызть ногти или биться головой о стену. Но если насилие произошло до моего знакомства с Томми, то поведенческих изменений я бы не заметил. Кстати, о насилии и травмах: кто помогает вам преодолеть вашу?

– Никто. У меня нет никаких травм, – поспешно сказала Коломба. – У Томми были телесные повреждения или шрамы?

– Я никогда не видел его без свитера, но на руках у него ничего нет. Моя очередь. Вы отрицаете, что перенесли травму, и тем не менее явно демонстрируете ее миру.

– Это вопрос?

– Нет, вопрос в следующем. Сколько дней вы уже носите эту толстовку с Чарли Брауном?⁶

– Какая, на хрен, разница?

– Вы отказываетесь отвечать?

– Не помню. Клянусь.

Пала надел очки и внимательно посмотрел на нее:

– Судя по цвету ворот, я бы предположил, что неделю. Вы себя запустили, мало спите, редко моетесь. Сомневаюсь, что вы вели похожий образ жизни до венецианского теракта.

Коломба положила локти на стол Палы. В ее глазах закружились зеленые вихри.

– Слушайте. Ночью у меня в доме закончился газ, к тому же обычно я почти не бываю на людях. Так что да, я немного неряшлива. Но я пытаюсь помочь Томми. Если вам нет до него дела, идите на хрен.

Пала откинулся в кресле:

– Думаю, раньше вы не были такой вспыльчивой.

– Ошибаетесь. Я всегда ненавидела, когда у меня копаются в голове. И так?

– Спрашивайте, что вас интересует, – вздохнул Пала. – Об остальном буду молчать.

– Что вы можете сказать о родителях Томми? И не отвечайте односложно.

– Отца я видел слишком редко, чтобы составить о нем мнение. Привозила Томми мать, и она же встречала меня, когда я приходил к ним. Она выглядела довольно счастливой.

– Вот так энтузиазм.

– Не знаю, что в большей степени связывало ее с мужем – любовь или благодарность за то, что он изменил ее жизнь. Ей тяжело приходилось с сыном в одиночку.

– Почему они переехали именно сюда? Она не хотела возвращаться в родной город?

⁶ Чарли Браун – один из главных персонажей серии комиксов «Peanuts» («Мелюзга» (англ.)), выходившей с 1950 по 2000 г.

– Понятия не имею. Она говорила, что ее муж обожает наши края. Он и правда вечно скитался по лесам, фотографируя птиц и растения.

– Мелас не работал?

– Нет. Он жил на ренту. Кажется, получил какое-то наследство, но я никогда не интересовался этой темой.

– Если он был богат, то мог нажить себе врагов. Или его жена завела интрижку.

– Наше общение не выходило за грань моих профессиональных обязанностей, и подобные вопросы мы никогда не обсуждали.

– А какие у Меласа сложились отношения с Томми?

Пала на пару секунд задумался.

– Думаю, отчим еще не успел к нему привыкнуть.

– Он на него ругался или еще что?

– Нет-нет, ничего подобного. Но в отличие от матери он на моей памяти ни разу не приласкал Томми.

Коломба встала:

– Спасибо. Буду благодарна, если вы не станете сообщать фельдфебелю, что я к вам заходила.

– Не беспокойтесь, это останется профессиональной тайной. Но послушайте, Коломба... Если захотите с кем-то поговорить, звоните. Только пистолет в следующий раз оставьте в приемной. Оружие меня нервирует.

– Почему вам так хочется стать моим психиатром?

– Отчасти по эгоистическим соображениям. Томми некоторым образом вынудил меня поинтересоваться вашей биографией, и я видел, через какой кошмар вам пришлось пройти. Вы встретились со злом лицом к лицу, Коломба. Это нечто, что человек моей профессии страстно стремится познать.

– Вам просто хочется прогуляться по моим мозгам.

– Нет. Помимо профессионального любопытства, я также хочу вам помочь. Потому что вы нуждаетесь в помощи, Коломба. Я знаю, сколько вы выстрадали во имя долга. Вы заслуживаете немного покоя.

Коломба хотела ответить, что он может засунуть свои психобредни себе в задницу, но комок в горле мешал ей заговорить. Ее подбородок затрясся, уголки губ опустились. Она с ужасом поняла, что вот-вот расплачется.

«Только не при нем!»

– Нет ничего хуже, чем притворяться, что тебе не больно. Боль никуда не денется, сколько бы мы ни пытались ее не замечать, – продолжал Пала. – Напротив, в таком случае она никогда не станет легче.

Коломба провела ладонью по лицу. Ее рука дрожала.

– Я не позволю вам себя надуть, – всхлипнула она. Но почему же тогда она не уходит?

– Поговорите с Катериной и назначьте время консультации. Вы не виноваты в том, что выжили.

Коломба выбежала из кабинета, чтобы не разрыдаться.

4

Почти час прождав на углу улицы, Коломба наконец села в такси. На морозе она успокоилась, а желание плакать постепенно отступило. Как раз вовремя, потому что, вернувшись домой, она обнаружила, что ее мать раскладывает перед входной дверью коробки и пакеты. Мать, щеголявшая серо-голубой шевелюрой, в своем зрелом возрасте – а ей было далеко за шестьдесят – сохранила изящное телосложение.

- Ты не кажешь носа на улицу, а стоит мне приехать, так тебя нет дома, – проворчала она.
- В следующий раз звони заранее, – с невольной резкостью сказала Коломба.
- Мне нужно записываться на прием? Ну же, помоги. – Мать заметила ее опухшую губу. –

Что ты натворила?

- Ударилась о руль. – Коломба показала на застрявшую в кювете «панду».

– Я так и подумала, что машина нашу напоминает, – сказала мать. – Тебе надо вызвать эвакуатор.

- Так и поступлю, спасибо.

Коломба подхватила ящик яблок и отнесла его на кухню. Навьюченная пакетами мать последовала за ней.

- Ну и холод у тебя.
- Котел не работает.

Открыв холодильник, мать начала доставать оттуда испортившуюся еду и выбрасывать в один из наполовину полных черных пакетов под мойкой.

- Только глянь, какое безобразие...

– Если сейчас же поедешь домой, не попадешь в непогоду, – сказала Коломба, чье терпение было уже на пределе. – Говорят, снова пойдет снег.

- Я подумала, что тебе бы тоже стоило отправиться домой вместе со мной.
- Я дома.

– Когда твой папа был жив, тебя сюда было волоком не затащить, а теперь ты не хочешь уезжать.

– Раньше я не ела шпинат, а теперь полюбила. – Коломба согнула правую руку. – Смотри, какие мышцы.

- Прекрати.

- Хочешь зайти в туалет перед отъездом? стакан воды? Благословение?

Мать закрыла дверцу холодильника.

– Ладно, – дрожащим голосом сказала она. – Я пытаюсь быть хорошей матерью, но что поделаешь, раз ты не хочешь меня видеть?

- Ничего. Я взрослый человек, у меня есть кредитка и пистолет. Я сама справлюсь.

Мать достала бумажную салфетку и вытерла глаза.

- Так и будешь тут сидеть, пока Данте не объявится?

- А если и так, то что? – бросила Коломба.

- Ты здесь торчишь уже год! И ничего не делаешь!

- И что?

- Да умер твой Данте! Всем известно, что он мертв!

- Хватит! – закричала Коломба. – Уходи!

Мать напряженно села за стол, и Коломбе стало стыдно, что она сорвалась на единственного человека, которого еще заботила ее судьба.

Она засунула остальные покупки в холодильник и еще полчаса игнорировала жалобные причитания матери, пока та наконец не уехала обратно в Рим. Оставшись в одиночестве, Коломба разожгла камин, брызнув на поленья ацетоном. Ядовито-зеленое пламя вспыхнуло, как коктейль Молотова, но на сей раз она успела отпрыгнуть и не обожглась.

«Ты здесь торчишь уже год и ничего не делаешь».

Дождавшись, пока дом прогреется, она вскипятила в чайнике воду и помылась в тазу в ванной на первом этаже. В ванной, типичной для какого-нибудь жалкого мотеля шестидесятых годов, стояло большое зеркало в стиле рококо, в которое Коломбе волей-неволей пришлось поглядеться. После больницы она набрала пару килограммов, но меньше чем следовало. На животе розовели шрамы после операции, грудь уменьшилась на один размер. Коломба прикоснулась к груди и тут же отдернула руку, вспомнив последнего мужчину, который ее сжимал.

Слишком поздно – воспоминание было уже не прогнать, и она заново увидела, как Лео стоит у нее за спиной, отражение его лица в зеркале поезда, направляющегося в Венецию, когда они заперлись в туалете перед тем, что чуть не стало последней глупостью в ее жизни.

Она до сих пор чувствовала себя грязной.

«Уже год ничего не делаешь».

С этим Коломба не могла согласиться. Она была занята по горло, в совершенстве освоив искусство нытья и жалости к себе, и выстроила вокруг себя серый мир, где никогда ничего не происходит, не нужно ни с кем общаться и выходить из дому. Приглушенный мир, который делал ее жизнь более терпимой.

По крайней мере до сегодняшнего утра. До того, как объявился Томми со своими странностями и своей трагедией. Из всех мест на земле он проник именно в уютный серый мирок, который ей так не хотелось покидать.

Съев пару черствых хлебцев, Коломба завернулась в одеяло и вперилась невидящим взглядом в царящий в комнате хаос. Всюду валялись книги, грязная и чистая одежда, коробки с едой. Заросшая паутиной лестница на верхний этаж была усыпана мертвыми насекомыми, а постель она не заправляла лет сто. Больше того, иногда она так и засыпала на диване, не добравшись до кровати, а одну ночь даже провела на полу в ванной, сама не зная почему. Зато теперь она понимала, что сон не придет к ней еще много часов.

Коломба копалась в кухонных ящичках, пока не нашла старую школьную тетрадь в линейку, с цветочком на обложке. Она узнала почерк отца, составившего на одной из страниц список семян, которые собирался купить для огорода. Кто знает, успел ли он их посадить, или то была весна, когда с ним случился инфаркт.

Она открыла тетрадь на чистой странице и начала составлять свой первый за долгое время протокол допроса.

5

Пока Коломба по памяти записывала свой разговор с доктором Палой, в трехстах километрах от ее дома начальник римского мобильного подразделения Марко Сантини зажимал себе нос, чтобы не чувствовать вони, пропитавшей шестой этаж центрального полицейского участка на улице Сан-Витале. Запах был вызван засорившимися туалетами, а туалеты засорились потому, что коридор превратился в свалку для всех, кого задерживал отдел по борьбе с терроризмом. Почти сплошь арабы, несколько выходцев из Африки – кто-то кричал на своем языке, кто-то плакал, пока его тащили прочь. Эта сцена повторялась во время каждой новой операции. Подволакивая больную ногу, Сантини попытался вспомнить, как называлась последняя. «Лепесток на лепестке»? Нет, еще хлеще: «Цветущий цветок». Чтобы создать впечатление точности и скрупулезности и скрыть тот факт, что они просто расставляют сети и смотрят, кто в них попадется.

Перед кабинетом Сантини увидел своего помощника Массимо Альберти, чей ранг соответствовал воинскому званию капрала. Это был широкоплечий рыжеволосый мужчина лет тридцати с россыпью веснушек на непривычно мрачном лице. Сантини в очередной раз с горечью вспомнил, каким жизнерадостным был этот парень до недавних пор. Но как не постареть, когда твоих сослуживцев приканчивают одного за другим.

– Что случилось? – спросил Сантини. – Новые облавы? «Цветущий цветок – два: вендетта»?

Альберти покачал головой.

– Если новость плохая, подожди. У меня профсоюзники три часа кровь пили. Надо потребовать премию.

Угловой кабинет Сантини по очереди занимали его предшественники, возглавлявшие мобильное подразделение. Последний из них, помимо юридических томов и архивов, оставил ему в наследство коллекцию романов Коэльо. Сантини отодвинул романы, достал спрятанную за ними бутылку и налил себе немного водки, после чего вернулся со стаканом к столу и уселся, водрузив больную ногу на принесенную из дому скамейку.

– Ну? Давай свою жуткую новость.

Альберти сделал грустное лицо.

– Данте Торре, – сказал он.

– Его нашли?

– Нет, но нашли «Шурмо» – яхту, на которой Бонаккорсо вывез его из Венеции. Она затонула на двухсотметровой глубине.

6

Сразу после теракта во Дворце спорта «Мизерикордия» в одном из венецианских яхт-клубов отключилось электричество и, соответственно, система видеонаблюдения. Прежде чем камеры снова заработали, из клуба была угнана двадцатиметровая яхта под названием «Шурмо». Согласно версии следствия, Лео Бонаккорсо скрылся с места взрыва, взвалив Данте на плечи, и смешался с толпой из сотен разбегающихся в панике людей. Траспондер на «Шурмо» был тотчас же отключен, и судно со своими вместительными топливными баками и мощными двигателями вполне могло дойти хоть до Ближнего Востока. Когда на место событий прибыл Сантини, Бонаккорсо, должно быть, был уже далеко. Сантини прилетел в Венецию только в два часа ночи и долго смотрел с моста Мизерикордия на разложенные по площади тела.

Представители службы гражданской обороны и полиции накрыли брезентом и поместили в мешки сорок девять погибших. У многих не хватало конечностей, лица были обезображены, одежда разорвана в клочья. Половину жертв составляли карабинеры и полицейские, а остальные – гости и руководство филантропического общества «Care of the World», устроившего благотворительный вечер. Широкая железная лестница на верхний этаж, наполовину сорвавшаяся с опор, трещала и подрагивала, когда снижались военные вертолеты.

В десять вечера предыдущего дня пьяный Сантини еще валялся на диване в одних трусах, но срочно вылетел в Венецию на правительственном самолете вместе с начальником полиции и шишками из Министерства внутренних дел, которые его старательно игнорировали, – единственное преимущество опалы. Предъявив удостоверение и надев бахилы, Сантини вышел на освещенную прожекторами площадь, которая была усеяна жакетами, пиджаками, туфлями, сумочками, ожерельями и браслетами, оброненными во время бегства или сорванными с хозяев ударной волной. Взрыв оставил после себя трехметровую воронку цвета сажи. Здесь взорвал себя один из террористов, пока остальные расстреливали ни в чем не повинных людей и полосовали их ножами. Двоих террористов ликвидировали, третий сломал позвоночник, упав в пришвартованную лодку с набережной.

Сантини вошел во Дворец спорта, где, лавируя между обломками мебели и растоптанными закусками, работали криминалисты. В освещенном желтоватыми аварийными лампами, включившимися после взрыва, зале для торжеств стоял рвотный запах вина и фруктов.

Один из криминалистов провел Сантини по залу, освещая фонариком самые темные углы. На ступенях парадной лестницы лежали двое охранников: у одного был вырван кадык, у другого сломана шея. Криминалисты сообщили, что обоих с изрядной сноровкой убили голыми руками. Сантини не слушал. А может, и слушал. В тот момент в голове у него была полная каша.

Верхний этаж представлял собой лишь узкую галерею вдоль главной стены, обставленную как ВИП-зона ночного клуба: пластиковая мебель кислотных цветов, разбитые стеклянные перегородки между комнатами. Все покрывала пыль и обломки.

Поперек одной из перегородок лежал почти обезглавленный молодой человек в элегантном костюме, он напоролся шеей на острый осколок. Перед ним распластались тела еще двоих охранников. Какая-то криминалистка указала Сантини на пятно крови на полу. «Здесь нашли вашу коллегу», – сказала она. И на мгновение Сантини понадеялся, что Коломба умерла на месте, избавив его от грядущих неприятностей.

Альберти постучал о косяк двери и вернул его к реальности.

– Шеф, машина приехала, – сказал он.

– Есть какие-то подвижки?

Альберти покачал головой:

– Только подтверждение.

Пока автомобиль с мигалкой вез Сантини в военный аэропорт, его желудок жгло от кофе из автомата. Двое вооруженных агентов из ОБТ – отдела по борьбе с терроризмом – с закрытыми балаклавами лицами проводили его на взлетно-посадочную полосу, где ждал представленный командованием флота вертолет «NH90 NFH» с выключенными двигателями. Эта почти двадцатиметровая махина способна была перевозить до двадцати пассажиров. Рядом с открытой дверцей вертолета стоял полковник Ди Марко, и Сантини охватило уныние: он-то надеялся, что тот не станет путаться у него под ногами. А ведь следовало бы догадаться, что полковник ни за что не пропустит последний акт этой пьесы. Прямой и негибкий, Ди Марко был на несколько лет старше Сантини. Под его не по сезону легким пальто виднелись синий костюм и полковой галстук. Мужчины обменялись рукопожатием.

– Господин Сантини, как ваша нога?

– Болит. Полетим на этой штуке?

– Если вас не укачивает. – Ди Марко повернулся к нему спиной и влез в вертолет. Пилоты отдали честь. – По пути заберем Каселли, – добавил он. – Пристегните ремень.

7

В два часа ночи «NH90», перебудив половину горожан, приземлился на крыше больницы в Портико. Многие, вообразив, будто началась война, бросились в ближайшие отделения экстренной медпомощи. Тем временем привезенную на армейском джипе Коломбу проводили до служебного лифта, на котором она поднялась на крышу. Лопасти огромного вертолета, напоминающего светящееся в ночи, рычащее доисторическое чудовище, наполняли воздух ледяной крошкой. Один из сопровождавших Коломбу военных помог ей подняться на борт и пристегнуть ремень безопасности.

На другом конце ряда пустых сидений сидел Сантини. Ди Марко, находившийся в кабине с пилотами, обернулся, чтобы на нее взглянуть, и Коломба с трудом подавила желание закапать ему оплеуху, чтобы стереть мерзкую улыбочку с его лица. Взлетели они быстро – быстрее любого гражданского самолета, – и ее желудок ухнул вниз. Портико превратился в россыпь желтых огоньков во мгле. Окна заиндевели, небо обернулось шиферной плитой, луна сделалась маленькой и бледной. Выбравшись из области непогоды, Коломба отстегнула ремень и под села к Сантини. Со времени их последней встречи он похудел, усы его стали гуще, а лицо прорезали новые морщины. Она приподняла его наушники и выкрикнула ему в ухо:

– Твой дружок что-то сказал тебе насчет тела?

– Нет, и он мне не дружок, – так же громко ответил Сантини. Он отметил про себя ее удобу и порез на губе. – Как ты?

– Веду здоровый образ жизни. А тебе как живется с новыми нашивками?

– Тяжеловато.

– Уволься, как я, вот и отдохнешь. Где нашли яхту?

– Слышала про риф Кита?

– Он рядом с банкой Скерки, – сказала Коломба, когда-то занимавшаяся подводной охотой.

– И находится в тридцати сантиметрах под водой. Либо на «Шурмо» был выключен гидролокатор, либо Бонаккорсо заснул за штурвалом. Как бы то ни было, яхта напоролась на риф и затонула.

– Как глупо.

– *Quandoque bonus dormitat Homerus*. Даже добрый наш Гомер...

– ...иногда дремлет. Но не Лео. Кто ее нашел?

– Ливийские моряки. Они узнали обломки и были так любезны, что сообщили о них нам.

С тех пор как мы дарим им суда, они стали более склонны к сотрудничеству. – Он сунул в рот сигарету, но даже не попытался ее зажечь. – Судно недалеко ушло от Венеции.

Кровь отхлынула от лица Коломбы.

– Ты уверен?

– Так мне доложили.

– Твой дружок.

– Я уже сказал, что он мне не друг. Но ведь это вполне возможно, правда? Мы воображали, что Бонаккорсо – сверхчеловек, но он просто ошибся курсом.

Коломба вернулась на свое место и притворилась, что заснула.

Они приземлились на территории военной базы на острове Пантеллерия рядом с портом и пересели на армейское буксирное судно. Острова, не считая отдаленной береговой линии, они так и не увидели, но Коломба как-то во время учебы в академии провела там прекрасные каникулы. Ей вспомнились отражение огней тунисского мыса Эт-Тиб в ночном заливе, теплое море, африканские водоросли. Буксир подпрыгивал на волнах до рассвета, когда наконец показался риф Кита и патрулирующие его катера. Всю поездку Коломба крепко держалась за фальшборт, сдерживая тошноту. Воздух стал ощутимо теплее. Волны бросали на скалы обглоданные останки дельфина, источавшие запах разложения.

Они сошли на вспомогательное судно команды подводных операций военно-морского флота. От манипулятора в воду тянулись кабель-тросы, поддерживающие «ровер» – небольшой телеуправляемый подводный аппарат, обычно используемый для осмотровых работ и операций по разминированию.

На верхней палубе они прошли мимо четверых водолазов, которые с помощью группы техников надевали глубоководные скафандры. На лебедках висели какие-то огромные черные приспособления, похожие на игрушечных суставчатых роботов с шарообразными головами. Взгляд Коломбы скользнул мимо них. Тревога высасывала из нее все силы, и она едва держалась на ногах. Она предпочла бы снова попасть в комнату Томми или голыми руками закапывать мертвые тела собственных родителей. Все пережитое накануне уже исчезало под грузом вечно довлеющего прошлого.

Помимо эскорта из команды подводных операций, на мостике находилась группа чиновников в боевой военной форме, среди которых были старший офицер и военный врач. Судя по почтению, с которым они обращались к Ди Марко, он был здесь старшим по рангу. На мониторе отображался освещенный фарами «ровера» борт «Шурмо».

– Где тело? – не успев обменяться с присутствующими рукопожатиями, спросила Коломба.

– С другой стороны затонувшего судна, – ответил старший офицер.

– Вы его идентифицировали?

– Состояние тела не позволяет опознать его удаленно, госпожа Каселли, – сказал военный врач.

– Я хочу его увидеть.

– Через пару часов мы начнем поднимать его на поверхность.

– Я хочу увидеть его сейчас, а не через пару часов.

Неожиданно на ее сторону встал Ди Марко, приказавший старшему офицеру не создавать проблемы на ровном месте. Сантини, за всю поездку даже не взглянувший на полковника, одобрительно кивнул ему, но тот притворился, что ничего не заметил. Моряк за пультом управления взялся за ручку джойстика, и изображение побежало вдоль борта. Несмотря на покрывающие его водоросли, он выглядел невредимым, однако подруливающие устройства в кормовой части яхты оказались повреждены. Правый винт отсутствовал вообще – вместо него зияла брешь в киле, – а левый был смят, как засушенный цветок.

– Это место удара, – сказал старший офицер. – Коленчатый вал врезался в риф, и судно начало набирать воду. Оттуда водолазы смогут заплывать в яхту, расширив проем в стальном корпусе домкратами. Теперь можем приблизить изображение.

Пробоина на экранах увеличилась, став окном в невесомый мир водорослей и посидонии. Столы и электробытовые приборы свисали с потолка, среди колышущейся растительности и ткани, которая когда-то была простыней или занавеской, показались матрас и шезлонг. Из стороны в сторону сновали стайки флуоресцирующих рыб, от луча прожектора медленно отползали моллюски, из ила торчали стеклянные бутылки и неузнаваемые металлические приборы.

Коломба задержала дыхание. Камера остановилась на куче гнилья, в которой виднелись зеленоватые кости. Это был торс скелета, внутри которого порхали разноцветные медузы. Испуганные светом фар, они отпрянули, открыв взглядам провалившийся в грудную клетку череп. С глазниц свисали нити водорослей, трепещущие, будто ресницы. Какой-то безглазый угорь полз по черепу, поднимая облака слизи.

Коломба прикусила разбитую губу так сильно, что она снова закровоточила. Неужели это Данте? Это и правда его останки? Она повернулась к военному врачу, который молча стоял, держа под мышкой форменный берет:

– Доктор, вам выдали медкарту Данте Торре?

– Да, госпожа Каселли.

– Неужели нельзя определить... – Ее подвел голос. – Определить, он ли это?

– Сделать это дистанционно очень затруднительно. Но позвольте взглянуть. – Он приблизил изображение. – Судя по костной массе, это, скорее всего, мужчина. – Он приблизил еще. – Судя по швам на черепе, ему было лет сорок-пятьдесят.

– Это может быть как Торре, так и Бонаккорсо, – впервые за все время заговорил Сантини.

– И еще миллион человек, – сказала Коломба.

Ей не удавалось оторвать взгляд от экрана – она искала хоть какую-то зацепку. У Данте была искривленная рука, но скелет лишился рук вовсе.

– Посмотрим, не поможет ли нам сонар, – сказал военный врач.

Как выяснилось, «ровер» обладал способностью делать чрезвычайно точные трехмерные снимки, что было необходимо для работ по разминированию. Врач повертел картинку на экране:

– У скелета проблемы с шейным отделом. Третий и четвертый шейные позвонки сломаны.

– Какие симптомы у него могли наблюдаться?

– Покойный испытывал боль, а если случай был тяжелый, то мог и получить повреждения костного мозга.

– Это не Данте, – со вздохом облегчения сказала Коломба. – Он карабкается и лазит по деревьям не хуже обезьяны.

– Так, может, это проклятый сукин сын? – спросил Сантини.

– Нет. Бонаккорсо тоже был очень подвижным, – с деланным безразличием ответила Коломба.

Она вспомнила, как познакомилась с Лео во время обыска в римской мечети. Как и прочие агенты из ОБТ, он был в балаклаве, но ее сразу поразил его ироничный, умный взгляд. Надо было не улыбаться этому ублюдку, а вырвать ему глаза.

Голос Ди Марко вернул ее на землю.

– Значит, мы нашли еще одного террориста, – сказал он. – Превосходно.

– Ну да, и он тоже с радостью уколошил себя во имя Аллаха, – язвительно сказала Коломба.

– Госпожа Каселли, ваш сарказм неуместен, – сказал Ди Марко. – Начинайте подъем.

Из-за трудоемких работ по разгрузке корпуса операция заняла больше шести часов. Все это время Коломба разрывалась между мостиком и палубой, куда лебедка сгружала черные поликарбонатные контейнеры размером с сундук. Вспомогательная команда вскрывала их и перекладывала содержимое в стерильные контейнеры поменьше, каждый из которых был занесен в опись.

Даже находившуюся в них воду переливали в специальные емкости, снабжая их соответствующими номерами.

Скелет подняли первым делом. За ним последовали обломки, предметы обстановки и навигационные приборы. Потом настал черед еще не вскрытых деревянных ящиков. Внутри оказались флаконы с разноцветными жидкостями, с которыми обращались будто с радиоактивными, пробирки и бутылки: складывалось впечатление, что разбирают лабораторию Франкенштейна. Последний ящик был пуст, за исключением остатков черного мужского костюма – того, что был на Данте в день его исчезновения, – и такой же черной кожаной перчатки.

Коломба перегнулась через борт, и ее вырвало.

8

Незванные гости, явившиеся по ее душу, как всегда, перепугали собак. Ее доберманы принялись носиться по двору, мешая соседям смотреть телевизор. Доктор Бартоне проклинала спесь военных, которые вместо того, чтобы просто позвонить или отправить за ней такси, предпочитали нагрянуть к ней домой или в ее лабораторию ЛАБАНОФ – миланскую лабораторию криминалистической антропологии – с автоматами наперевес. После венецианского теракта военные начали обращаться к ней, стоило им обнаружить кусочек кости или пятнышко на одежде какой-нибудь жертвы убийства, не реже пары раз в месяц. Доверие Министерства обороны ей льстило, но ее внимания требовали прямые обязанности: холодильные камеры у нее на работе полнились неопознанными телами. Установить их имена, позволить их родным и близким преодолеть боль утраты и жить дальше казалось ей куда более важным, чем выкрутасы Ди Марко. Она отказалась бы помогать, если бы речь не шла о Данте. С тех пор как во время расследования преступлений Отца ей поручили анализ содержимого неких канистр с кислотой и фрагментами человеческих останков, Данте и Коломба стали для нее почти родными.

Дрожащую от холода, несмотря на накинутое на плечи термоодеяло, Барт посадили на буксирное судно, где ее уже ждал Сантини. Ей подумалось, что он стареет, как пес – в семь раз быстрее, чем люди. Всего за пару лет он превратился из пышущего здоровьем крутого копа с обильной порослью на груди в престарелого дядюшку, страдающего от хронической боли в ноге и усыхающего с каждым днем. Не изменилось только одно – вечно надвинутая на нос ирландская кепка.

– Добрый день, док, – сказал он, подавая ей руку.

– И вам того же, Сантини. Не угостите сигареткой?

Полицейский протянул ей пачку и ввел в курс дела. Водолазы продолжали работу, придавая затонувшей яхте плавучесть с помощью огромных камер сжатого воздуха.

– Как там Коломба? – спросила Барт.

Сантини покачал головой:

– Не верит, что это Торре.

– Может, она и права, – сказала Барт, выпуская облачко дыма.

– Надеюсь, ваше заключение сможет ее убедить.

Барт уныло покачала головой. Она не знала, на какой исход надеяться. Если она не сможет с уверенностью опознать труп Данте, Коломба будет по-прежнему надеяться, что он жив, в чем Барт не видела ничего хорошего.

Увидев, как на палубу выходит Коломба, она через силу улыбнулась. Они не виделись шесть месяцев, с тех пор как Барт сдуру навестила ее в глуши, а та весь вечер почти не раскрывала рта. Сейчас Коломба в шубе из искусственного меха, которая больше подошла бы какому-нибудь бездомному, выглядела еще более бледной и похудевшей. Ее обведенные темными кругами глаза лихорадочно блестели. Сантини, похлопав ее по плечу, молча пошел прочь, и она отряхнулась, будто на нее нагадила чайка.

– Эй, – сказала ей Барт и обняла ее, делая вид, что не чувствует острого запаха пота. Коломба приехала, не захватив с собой даже сменной футболки. – Ты совсем отошала! Хоть иногда питаешься?

– Барт, Данте здесь нет, – произнесла Коломба, словно не услышав ее вопрос.

Барт вздохнула:

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы разобраться в произошедшем.

– Ты не найдешь ничего, что противоречило бы теории, которую пытается подсунуть нам Лео. Он слишком умен.

– Думаешь, он намеренно потопил яхту? – спросила Барт, заранее зная, какого мнения придерживается ее подруга.

– Да. Он хотел, чтобы мы перестали его разыскивать. Тогда он сможет делать все, что ему заблагорассудится.

– Слушай, Коломба... Ты бы умерила свои надежды, – скрепя сердце сказала Барт.

Коломба напряглась:

– Ты мне не веришь?

– Солнышко... – нежно ответила Барт, – ты чувствуешь, что виновата перед ним. Переживаешь. Скучаешь. И готова на все, ради того чтобы вернуть его домой. Поэтому ты чуточку сгущаешь краски. И я тебя прекрасно понимаю.

– Каков, по-твоему, процент вероятности того, что Данте еще жив? Только честно.

– По статистике, если о похищенном человеке нет известий больше двенадцати месяцев...

– Скажи навскидку, – нетерпеливо перебила Коломба.

– Один из ста.

– Если бы похитили тебя и существовал один шанс из ста вернуть тебя домой, ты бы молилась Господу, чтобы кто-нибудь им воспользовался. По крайней мере, я бы точно лелеяла даже крохотную надежду на спасение.

Барт сжала ее ладонь в своих:

– Я не собираюсь сдаваться. Но ты лучше передохни, на тебе лица нет. Почему бы тебе не пожить у меня в Милане какое-то время?

– Потому что мне нужно кое с чем разобраться в Портико. – Какой-то моряк помахал Коломбе с катера, и она показала ему раскрытую ладонь – «пять минут». – По-твоему, мы нашли всех жертв Отца? – спросила она.

Вопрос застиг Барт врасплох.

– Боже, надеюсь, что да. Почему ты спрашиваешь?

– В моих краях есть парень, поведение которого... – Она замялась. – Ладно, проехали, ты и так меня за сумасшедшую считаешь.

– Вовсе нет... Я понимаю, как тебе тяжело. Расскажи об этом парне.

Коломба облокотилась на фальшборт.

– Он аутист и ведет себя так же, как узники, которых мы освободили три года назад.

– То есть его освободил кто-то другой или он сбежал сам? А что говорят его родители?

– Их убили. У него тяжелый аутизм, он не разговаривает. Значит, тебе ничего в голову не приходит?

– Нет. Ничто из того, что попало ко мне на экспертизу, не указывало на существование других узников и темниц, хотя исключить такую возможность я не могу. Однако если они и были, то давно умерли от голода.

– Нет, если кто-то ими занимался.

Пришвартованный в паре метров от них катер включил сирену. Барт вздрогнула:

– Новый Отец?

– Сообщник, соучастник. Может, даже не один...

– Похоже на одну из баек Данте.

– Вот именно, и мне надо было к нему прислушиваться. Он слишком часто оказывался прав.

– Да, иногда он попадал в точку. Но только потому, что ты его уравнивала. Из вас двоих только ты была способна трезво смотреть на вещи. Ты не можешь просто взять его роль на себя.

– Из нас двоих я была тупицей. Не повторяй моих ошибок. – (Моряк снова помахал Коломбе с катера и подозвал к себе.) – Мне пора. Может, со временем что-то придет тебе на ум. Вдруг найдешь какую-то важную деталь в своих документах или свидетельских показаниях. Если я права насчет этого парня, он уже достаточно настрадался.

– Когда я вернусь... – с сомнением протянула Барт.

– И сообщи, если обнаружишь что-нибудь на «Шурмо», – сказала Коломба ей на ухо.

Барт с неохотой пообещала, что так и поступит.

– Seriously, дай мне знать. Может, я и ненормальная, но сейчас Данте не на кого надеяться, кроме меня. – Коломба пристально посмотрела на нее. – И будь осторожна, никому не доверяй. Неизвестно, на чьей они стороне.

– На чьей стороне кто? – спросила Барт.

– Все. – Пока Коломба спускалась по лестнице в катер, Барт смотрела ей вслед, спрашивая себя, не лишилась ли ее подруга рассудка.

9

Море успокоилось, и возвращение заняло меньше времени, чем путь от Пантеллерии. Никто не стоял у Коломбы над душой, и она, устроившись за одним из установленных на катере компьютеров, начала читать новости в Интернете. Новых сведений о двойном убийстве почти не появилось. Труп Меласа опознала его сестра Деметра, прилетевшая из Греции вскоре после отъезда Коломбы. Журналисты засняли эту женщину лет пятидесяти (лицо, над которым поработал пластический хирург, накачанные губы) на камеру перед участком карабинеров. Деметру сопровождал обезьяноподобный гигант, возвышавшийся над остальными людьми не меньше

чем на полметра. Согласно бегущей строке, это был заместитель прокурора Пезаро Виджевани, наблюдающий за ходом расследования.

Ни в одном электронном СМИ не упоминались какие-либо альтернативные версии, рассматриваемые следствием. Все недвусмысленно указывало, что произошла семейная трагедия, и никто даже мысли не допускал, что супругов Мелас убило пожирающее детей чудовище, восставшее с того света.

На острове Коломбу посадили в другой вертолет – тот же, на котором прилетела Барт, – и по ее просьбе доставили в римский аэропорт «Челио», оттуда она на такси добралась до площади Оролоджио, что в двух шагах от Квиринала. Было три часа ночи. Растрепанная мать ей открыла дверь в одной ночнушке.

– Что случилось? – пробормотала она.

– Ничего. Я только хотела кое-что забрать из гаража. Извини, не успела тебя предупредить.

Коломба вошла в квартиру и сняла с крючка ключ, напоминавший пиратский пистолет. Многие ключи висели там с незапамятных времен, и замков, которые они открывали, давно не существовало.

– Я приготовлю тебе поесть, – еще не до конца проснувшись, сказала мать.

– У меня болит живот.

Коломба спустилась в расположенный во внутреннем дворике гараж, где среди ее старой одежды и пластмассовых шкафчиков хранились коробки и чемоданы Данте, которые она забрала из его гостиницы. Был там и архив их собственного расследования дела Отца. Коломба сложила в старый рюкзак документы и флеш-карту и прихватила старый ноутбук. В свое время его выдали ей в мобильном подразделении, и она так его и не вернула.

Когда она снова поднялась в квартиру, мать с видом смиренницы сидела на кухне. От витающего в комнате аромата латте текли слюнки.

– Сделать тебе кофе? – спросила мать.

– Я его больше не пью.

– Ну конечно, ради твоего друга. И как это я забыла...

Коломба не ответила. Ей не хотелось опять препираться.

– Мне нужно идти. Говорят, снова пойдет снег. Тогда поезда начнут опаздывать, и будет давка. – Она поцеловала мать в пахнущую «Acqua di Rose» щеку.

Пешком она дошла до вокзала «Термини». Безлюдный, не считая последних припозднившихся хмельных туристов, город покрылся белоснежным покровом, с фонтанов свисали сосульки. Все казалось ей искусственным и чужим.

Первый поезд в Марке отходил через час, и Коломба дождалась его на скамейке на перроне, промерзнув до костей. Сев в вагон, она тут же завернулась в парку и уснула, а проснулась, только когда поезд подходил к ее станции. Небо было черным и набухшим.

Она дошла до автомастерской при въезде в Портико, а остаток пути до дома проделала уже в кабине эвакуатора, украшенной четками и фотографией усатого мужчины, который казался пожилой копией механика за рулем. Это был крепкий молодой человек по имени Лорис с красивыми руками и длинными вьющимися волосами, и, хотя от него пахло потом и машинным маслом, улыбка у него была неотразимая.

– Я так редко тебя вижу. Любишь одиночество? – спросил он.

– С чего ты взял, что я одинока?

– У меня глаз наметанный, – засмеялся он. – Кем работаешь?

Коломба перевела взгляд на дорогу. Телевизионщики снимали панораму заснеженных лугов.

– Я в отставке.

– Везет тебе.

На последнем перед домом Коломбы повороте грунтовки они остановились, и Лорис электролебедкой вытащил «панду» из кювета.

- Что у тебя за цепи? – спросил он, разглядывая ее колеса. – Им же лет сто уже.
- Возможно. Можешь по-быстрому ее починить? Другой машины у меня нет.
- Я бы на твоём месте новую купил, хотя бы бэушную.
- Я не требовательна. Так когда ты ее сделаешь?
- Твою тачку возьму вне очереди, – ответил Лорис.
- Но мы толком незнакомы...
- Ты каталась на моем эвакуаторе и теперь мне как родная.

В доме оказалось очень холодно. Коломба подбросила в камин поленьев и растопила его, сбрызнув зажигалку оставленным матерью лаком для волос и произведя эффект огнемёта. Подтащив диван к огню, она вывалила содержимое рюкзака на пол и разложила вокруг себя документы. Затем она отверткой сломала камеру и микрофон ноутбука, подключила его к Сети и начала перечитывать историю человека, которого убила.

10

Операции Отца пришлось на два периода. Первый охватывал промежуток между концом семидесятых и тысяча девятьсот восемьдесят девятым годом. По всей видимости, восемь своих жертв, чьи личности удалось установить, он выбирал случайным образом и похищал по всей Италии. Одного ребенка похитили во время религиозного паломничества недалеко от Рима, другого Отец увёз, инсценировав его гибель в водоворотях реки По в провинции Эмилия-Романья. Мальчиков объединяло лишь одно: в восемьдесят девятом году все они нашли свой конец в канистрах с кислотой.

Документы, относящиеся ко второму периоду его деятельности, который начался в двухтысячные годы, были столь же многочисленны, сколь и материалы о первом периоде, и касались в том числе Коломбы и Данте. Они познакомились, когда она попросила его помочь полиции в поисках ребенка, похищенного в окрестностях Рима, и шаг за шагом они добрались до контейнеров, где Отец держал в заточении десять детей. Все узники были опознаны, однако к семье вернулся не каждый. Некоторые мальчики считались пропавшими уже не один год и были объявлены умершими, а чьи-то родители развелись, умерли или просто не желали снова брать на себя уход за проблемными детьми, которые стали еще более проблемными за время в неволе.

Один из мальчиков покончил с собой в больнице – Коломба помнила, как тяжело воспринял эту трагедию Данте. «Один из нас», – сказал он тогда, цитируя «Лорда Джима»⁷. По мнению следователей, Отец выбирал своих жертв случайно, изучал их привычки и образ жизни и похищал их, если удавалось создать благоприятные условия. Больше всех он любил трудные семьи – тогда полиция обвиняла в исчезновении ребенка самих родителей. Иногда он убивал одного из них, обставляя все так, будто тот сбежал с сыном. Согласно выводам следственной комиссии, Отец был «невменяем, страдал от диссоциативного расстройства личности и совершал свои преступления, подчиняясь безудержному порыву». Коломбу подобное объяснение вполне устроило.

В отличие от Данте – хотя его выступление перед комиссией ни к чему не привело. Коломба лично присутствовала на слушании и прекрасно его помнила. Оно проходило в палатце Сан-Макуто в римском районе Пинья, где по иронии судьбы в семнадцатом веке находилась одна из резиденций инквизиции. Длинный стол и несколько белых пластиковых стульев

⁷ «Лорд Джим» (1900) – роман Джозефа Конрада.

расставили прямо на мостовой во дворе. Чуть поодаль, дрожа от холода, стояла дюжина зевак, а сбоку – пара парламентских журналистов и кучка чиновников из спецслужб.

Съездившийся, исхудавший Данте сидел на одном из стульев в центре двора, почти теряясь в складках длинного черного пальто, а напротив, по другую сторону стола, под меховой шапкой дремал пожилой сенатор с красным от сосудистых звездочек лицом. Недавно избранная депутатом блондинка в лоденовом пальто и сапогах до колен включила диктофон и положила его на стол.

«Будьте добры, назовите для протокола свое имя и дату рождения».

Данте мял в руках пачку сигарет. Он нервничал, но, казалось, был вполне способен здраво рассуждать. Коломба не заметила у него того бесноватого взгляда, который появлялся, когда он накачивался нейролептиками.

«Дата моего рождения мне неизвестна, – ответил он. Голос его постепенно становился все уверенней. – По мнению судебного антрополога, который меня осматривал, мне около сорока – сорока пяти лет. Я называю себя Данте Торре. Имя, под которым меня крестили, мне неизвестно, как неизвестно и то, крестили ли меня вообще. Я с равным успехом могу оказаться сыном растамана или пастафарианина».

Кое-кто из собравшихся засмеялся, и блондинка невесело улыбнулась, пряча раздражение.

«Справедливо. Господин Торре, данное слушание назначено, чтобы поглубже вникнуть в отдельные вопросы, касающиеся деятельности похитителя и серийного убийцы по прозвищу Отец, который погиб в вооруженном конфликте при попытке его ареста. А также поскольку вы полагаете, что существуют факты, на которые должна пролить свет настоящая комиссия».

«Именно так».

«Прежде всего я бы хотела попросить вас рассказать о вашем собственном участии в этом деле. Опять же для протокола».

«Отец похитил меня, когда я был ребенком, и продержал в заточении тринадцать лет. Если быть точным, я провел детство в силосной башне в провинции Кремона. Где и как он меня похитил, я не помню. Я был убежден, что являюсь сыном Аннибале и Франки Торре, но недавно выяснил, что их сыном был другой мальчик. Настоящего Данте убили, когда я сбежал, – в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году. В одной из канистр с кислотой, где Отец растворил тела своих жертв, обнаружили его ДНК, а именно фрагмент лобковой кости».

«И Отец заставил вас забыть вашу подлинную личность».

«Да, с помощью изоляции, наркотиков и внушения. Отец был не только судмедэкспертом, но и психиатром и неврологом. Он знал, как это делается, и в моем случае преуспел на все сто».

«Почему вы полагаете, что расследование ведется неудовлетворительно?»

«Потому что Отец был не просто психопатом. Кто-то покрывал его и финансировал, но его спонсоров так и не разоблачили».

«Значит, вы считаете, что его покрывали, чтобы он и дальше похищал и пытал детей? Не кажется ли вам, что звучит несколько надуманно?»

«По всему миру детей похищают и используют в качестве рабов, попрошаек, сексуальных объектов и доноров органов, – сухо ответил Данте. – Цитирую по памяти. В две тысячи седьмом году нигерийское правительство потребовало многомиллионной компенсации за незаконные испытания вакцины против менингита, проведенные на двухстах детях из бедных семей. В две тысячи восьмом во время клинических испытаний в индийском медицинском институте погибло сорок девять детей. Разумеется, все это были бедняки, а тесты проводились через субподрядчиков, чтобы сложнее было привлечь к ответственности истинных виновников трагедии. Поэтому я не исключаю, что какие-то транснациональные корпорации с выручкой, превышающей итальянский ВВП, финансировали Отца, чтобы иметь возможность проводить

эксперименты в лабораторных условиях. Он без помех орудовал сорок лет. Вы действительно верите, что он просто везучий сукин сын?»

Тогда в это верили все, подумала Коломба, включая ее саму. Только вот теперь все представлялось в ином свете.

Заварив себе еще чашечку чая, она сверилась с отчетами о сообщниках Отца, которые были известны полиции. Их было немало, но почти все они умерли: кто-то естественной смертью (единицы), кто-то – насильственной (подавляющее большинство). Все это были закоренелые преступники: убийцы, насильники и бывшие военные. Некоторые стали последователями Отца еще в семидесятые, других он нанимал для конкретных задач – избавляться от свидетелей или кормить узников. Главного сообщника Отца называли Немцем, поскольку его настоящее имя оставалось неизвестным. Несмотря на преклонный возраст – а ему было уже за семьдесят, – он был силен как бык. После ареста от него так и не добились никаких сведений о его начальнике. Но таких, как Немец, могло быть много.

Коломба читала протоколы и приговоры до рассвета. Когда она наконец задремала, ей приснилось, что она заперта в прозрачной силосной башне среди холмов. В полдень ее разбудил звонок Барт. В трубке слышался шум волн.

– Хотела узнать, как ты... И кое-что тебе рассказать, – сказала она.

Коломба перешла от сонливости к тревоге. Во рту у нее пересохло.

– Данте? – спросила она.

– Нет. Я тебя искала в «Signal», но ты не отвечаешь.

Это шифрующее звонки мобильное приложение, любимое барыгами и теми, кому есть что скрывать, давным-давно установила на телефоне Барт сама Коломба.

– Потому что у меня больше нет мобильного. Сейчас куплю.

– Сколько времени это займет?

– Если найду такси, полчаса.

Во всей провинции было всего шесть машин, объединенных в маленький кооператив такси, и из-за снегопада они были перегружены работой. Диспетчер сказала Коломбе, что машина сможет приехать к ней не раньше чем во второй половине дня. Она не захотела ждать и вышла на холод.

11

Небо все больше прояснялось, и поначалу бежать было почти приятно. Фермеры на тракторах расчистили грунтовку, да и мороз уже не был таким суровым, как в предыдущие несколько дней. Мышцы спины и ног постепенно разогревались. После первых трехсот метров крутого подъема Коломба вроде бы разогналась до своей обычной скорости, но уже на середине грунтовки запыхалась и остановилась, опершись о дорожный знак. Сердце бешено стучало, в животе крутило. Теперь она горько раскаивалась в том, что на много месяцев забросила спорт.

Она снова побежала. Позади остались дрессировочная площадка, дом пчеловода и закрытый с незапамятных времен агротуристический комплекс, напоминающий замок Снежной королевы. По дороге ей встретилась замерзшая пестрая кошка. Редкие автомобили ехали со скоростью пешехода, брызгая грязью из-под колес. На втором часу подъема, минуя последний поворот, она увидела сияющие под утренним солнцем белые крыши средневекового центра Портико. Дым каминов превращал пейзаж в открытку. В центре высилась церковь гильдии красильщиков, а к ней, подобно многоярусному свадебному торту, жались каменные дома. Коломба остановилась полюбоваться городком, который для кое-кого из ее предков был родным, и подумала, что от его красоты захватывает дух. Этот уголок Италии знали немногие, – возможно, поэтому за десятилетия он почти не изменился.

Одним из немногих изменений стало появление магазинчика электроники, открытого тридцатилетним толстяком в толстовке с принтом «Final Fantasy»⁸. Коломба купила дешевый мобильник и сим-карту, которые, казалось, обжигали ей руки.

На проспекте рядом с магазином находился бар, где дед когда-то угощал ее вишневым мороженым; до тридцатых годов там располагался каретный сарай. Сев на одну из железных скамей, Коломба скачала через городской Wi-Fi приложение «Signal» и отправила сообщение Барт – ее номер был одним из немногих, которые она знала по памяти.

Подруга перезвонила уже через минуту:

– Почему у тебя больше нет мобильного?

– Потому что я не хочу, чтобы кто-то шпионил за каждым моим шагом. Ты собиралась что-то сообщить мне об Отце?

– Что? Нет... руки пока не дошли. Но я видела отчет взрывотехников. Вдоль пробоины в «Шурмо» найдены следы взрывчатки «РВХ». Это какой-то вид пластида. Впрочем, это выходит за рамки моей специализации, так что я в таких вещах разбираюсь плохо, но военных, разумеется, расспросить не могу.

У Коломбы защемило в сердце.

– Я же говорила, что Лео инсценировал кораблекрушение.

– Это еще не все. Пассажир не утонул. Ему перерезали горло ножом для подводной охоты. Под водой этот человек оказался уже мертвым, но за сколько часов до этого он погиб, я тебе сказать не могу. Определить это будет сложно даже после более тщательной экспертизы.

У Коломбы заныла старая рана.

– Что еще ты о нем знаешь?

– погоди, открою компьютер... Я на палубе, тут ужасно холодно... В общем, рост погибшего составлял метр семьдесят – семьдесят пять сантиметров, веса он был среднего. Между его третьим и четвертым позвонком был установлен титановый протез. Военный врач протеза не видел, потому что он упал: я нашла его в иле.

– На нем стоит серийный номер?

– Да. И у меня есть доступ к больничной базе данных. Наш покойник – сорокалетний Джанкарло Ромеро, индивидуальный предприниматель. Жил в Милане. Его имя тебе о чем-то говорит?

– Нет. Может, оно фальшивое?

– Вряд ли. Его оперировали в государственной больнице, и он предоставлял налоговые документы. – Несколько минут Барт молча читала. – За последние десять лет его трижды госпитализировали с той же проблемой и всякий раз регистрировали под этим именем. Корешковый синдром, хроническая боль в шее... повреждения позвонков... Вероятно, недиагностированный синдром Клиппеля – Фейля.

– Впервые слышу.

– Если тебе интересно, это наследственная патология – мутация гена GDF6. Передо мной его медкарта, все сходится с костями на моем столе. Это он.

– Кто-то заявлял о его исчезновении?

– Насколько я знаю, нет.

Коломба записала сведения на салфетке с рекламой вишневого ликера.

– Как долго ты сможешь скрывать эту информацию от военных?

– Пять-шесть часов, – сказала Барт. – Только не делай глупостей.

Коломба заказала пиво и через приложение позвонила Альберти, который тоже давно пользовался «Signal». Тот ответил на звонок, по-свойски устроившись за столом Сантини: его начальник по-прежнему находился в море вместе с Барт и остальными.

⁸ «Final Fantasy» – серия ролевых компьютерных игр, созданная геймдизайнером Хиронобу Сакагути.

– Госпожа Каселли! Как вы?

– Альберти, ты теперь настоящий коп, а я уже нет. Так что кончай называть меня госпожой. Предоставь это пингвинам.

– Извините. Я по привычке. – С тех пор как характер их отношений изменился, Альберти вечно старался строить предложения таким образом, чтобы ему не пришлось называть ее на «ты» или по имени. Ему это не нравилось – Коломба всегда внушала ему священный трепет. – Как проходят глубоководные исследования?

– Я уже не на корабле. Мне нужно, чтобы ты пробил одно имя.

– Говорите... *Говори.*

– Джанкарло Ромеро, сорок лет, проживает в Милане, – сказала Коломба. – Можешь подтвердить, что никто не заявлял о его исчезновении? – Она продиктовала ему паспортные данные.

– Секунду, госп... Кхм. – Альберти вошел в систему электронного документооборота, где госслужащие хранили данные всего остального мира. – Подтверждаю. Живет в Милане.

– Он привлекался?

– Нет, за ним только штрафы за нарушение общественных приличий. Ему нравится, когда транссексуалы делают ему минет в парках, – в двух словах подытожил молодой человек.

– Больше никаких упоминаний о нем в базе нет?

– Нет. В позапрошлом октябре он переехал. Я дам вам его новый адрес.

– В октябре? Какого числа?

– Тридцатого.

Через две недели после Венеции. Если «Шурмо» действительно затонула сразу после бойни, к тому времени Ромеро был уже мертв. За соседним с Коломбой столиком играли в скопу четверо стариков. Будь то по воле случая или велению судьбы, но она мельком увидела среди их карт короля монет.

– Мне нужно еще кое-что. У тебя остались друзья среди карабинеров?

Во время службы в армии Альберти и сам был карабинером.

– Есть парочка...

– Три дня назад в моих краях произошло двойное убийство. Попробуй выяснить что-нибудь на этот счет. Семья Мелас. И спроси, не знаком ли кто с фельдфебелем Лупо, который возглавляет казарму Портико.

– Он как-то связан с Ромеро?

– Нет. Потом объясню.

Рискуя попасть под колеса снегоуборочной машины, Коломба бросилась в автосервис. Лорис, трудившийся над «тойотой» без колес, вылез из ямы:

– Ангелочек, я еще и не начинал.

– Умоляю, только не ангелочек. – Коломбу передернуло. – Одолжи мне любую машину. Твоя тоже подойдет.

– Ты только что загнала «панду» в кювет. Думаешь, я отдам тебе свою прелесть?

– Если сломаю, оплачу тебе новую. Это важно.

Он, казалось, задумался.

– Мартина говорит, ты из полиции, как и она. Это правда?

– Я больше не служу. Кто такая Мартина?

Лорис описал рыжеволосую девушку-карабинера.

– Она говорит, ты была в Венеции и чуть не угодила под пули игиловцев, – сказал он.

– В ее годы я поменьше болтала.

– Это правда?

– Более или менее. Но остальное ищи в газетах.

Лорис рассмеялся, выудил из кармана комбинезона связку ключей и бросил Коломбе:

– Оставь свои паспортные данные. Если разобьешь, я тебя засужу. Я на этой тачке три Гран-при выиграл.

Машина оказалась тюнингованной для гонок «Пежо-208», сплошь покрытым логотипами. Коломба села в автомобиль и, задымив покрывками, сорвалась с места.

12

Квартира Ромеро находилась в шестизэтажном кондоминиуме между кольцевой дорогой и аэропортом «Линате». В этом типичном для Милана районе парки чередовались со зданиями шестидесятых годов и старыми кирпичными ангарами, где когда-то размещался завод прославленной авиастроительной компании «Капрони», закрытый после Второй мировой войны. Коломба, мысленно оплакивавшая отсутствие служебной мигалки, добралась до дома Ромеро за три часа, припарковалась неподалеку и, дождавшись, пока в подъезд войдет один из жильцов, проскользнула внутрь вслед за ним. В кондоминиуме не было консьержа, и Коломба вполголоса выругалась: обычно за небольшую мзду большинство консьержей готовы были открыть дверь или выложить все, что знают, любому незнакомцу. К счастью, на почтовых ящиках, помимо имен, были указаны этажи, и Коломба пешком поднялась на третий. На площадке поливала герань девушка лет двадцати пяти с румяными, круглыми, как яблочки, щеками и грудью шестого размера. Коломба растерялась.

– Вы к кому? – спросила девушка, вытирая руки о фартук с цветочным узором.

Коломба поведала ей заготовленную по дороге историю:

– К Джанкарло Ромеро. Он давно не давал о себе знать, и его...

– Он живет здесь, – перебила девушка, указав на дверь напротив. – Когда он вернется, я передам, что вы его искали.

От ее тона волоски на загривке у Коломбы встали дыбом.

– А когда он уехал?

– В понедельник. Что-то случилось?

По спине Коломбы побежала капелька ледяного пота. До этой минуты она считала Ромеро сообщником Лео. Но теперь все представало в ином свете.

– Его родители ищут, – с трудом сдерживая волнение, сказала она. – Но, может быть, мы с вами говорим о разных людях. Ваш сосед – низенький лысый толстяк? – наобум описала она.

– Нет, высокий шатен в очках, – рассмеялась девушка. – И уж точно не толстый. Он все время занимается спортом. А теперь извините, кажется, у меня малыш плачет.

– Спасибо, – выговорила Коломба, до боли сжимая в руке рукоять спрятанного в кармане пистолета.

Дождавшись, пока девушка скроется в своей квартире, она разбежалась и пинком выбила замок на двери Ромеро. Она успела отметить, что дверь не бронированная, и действительно, та легко, хоть и с грохотом, распахнулась. Коломба поскорее прикрыла ее и привалилась к ней спиной, держа в обеих руках пушку. С лестницы донеслись возмущенные шумом голоса, но никто не пришел, чтобы проверить, в чем дело.

Она вошла в темную квартиру. Рольставни были закрыты, от запаха хлора резало глаза. Три комнаты, несколько недорогих предметов обстановки. Ни одежды, ни книг, ни безделушек. Кровать без белья, сырой от отбеливателя матрас. Начисто вымытые полы и стены, разводы на краске. Не обязательно было разбираться в криминалистике, чтобы понять, что, если здесь и были биологические следы, от них ничего не осталось. Закатав рукава парки, Коломба открыла окно, чтобы проветрить квартиру.

«Ты ведь знаешь, кто он, верно? Знаешь, кто жил здесь все это время».

Ее мобильник завибрировал. На экране высветилась надпись «неизвестный номер». И Барт, и Альберти позвонили бы ей в «Signal», к тому же никому из них она свой номер не

давала. Коломба знала только одного человека, способного так быстро его раздобыть. Того же, кто весь последний год выдавал себя за Ромеро и жил его жизнью.

Только *одного*.

Она ответила на звонок.

– Привет, Коломба, я скучал, – сказал голос Лео.

Глава третья

1

Температура снаружи почти нулевая, но Данте ничто не удивляет. Он знает, куда привез его Лео, он узнал здание из своих кошмаров – бетонный куб, который заточенные в нем узники прозвали Коробкой. Только вот он, Данте, считал, что ее снесли, ведь она стояла всего в нескольких километрах от Чернобыля. От мертвого города, населенного одними стариками, которые дожидались смерти от рака и других последствий радиации. Той самой радиации, которую Данте сейчас ощущает кожей. Ее покалывает, словно иглами. Когда он покроется волдырями? Через несколько минут? Через пару часов? Кратковременное пребывание в городе считается малоопасным, но кто в это поверит? За щедрую мзду всегда найдется способ подсластить пилюлю.

Надо хотя бы вернуться на склад, под защиту бетонных стен, но там ему останется лишь дожидаться смерти. Снаружи он, по крайней мере, может надеяться, что отыщет способ сбежать.

У Данте начинают неметь ноги. С одной стороны широкого, как три футбольных поля, двора возвышается трехэтажное здание, с другой – ворота в Коробку. По холодному бетону, сквозь трещины в котором проросла трава, Данте бежит к зданию и заглядывает внутрь. Кто-то здесь уже побывал. В помещении, где когда-то размещался офис, царил разгром. Немногие оставшиеся столы свалили в кучи и сожгли, оборудование и провода исчезли, все представлявшее хоть какую-то ценность разбили или растащили. Остались только пепел и экскременты людей и животных. Набравшийся храбрости Данте входит в здание, босиком ступая по загрязненному полу. Он заразится тысячей мутаций, превратится в чудовище, как в фильме «Нападение людей-грибов».

Стараясь не порезаться об осколки стекла и гильзы от калашиникова – кто-то расстрелял висящий на стене портрет Андропова, – он поднимается по лестнице.

На втором этаже Данте находит труп. Чего-то подобного он и ожидал – только трупа в этом кошмарном месте и не хватало. Но ему все равно противно. Он понимает, что придется снять с покойника противорадиационный костюм, и эта мысль лишь усугубляет его отвращение. Костюм необходим Данте как можно скорее, пока он не умер от холода и клаустрофобии.

Он опускается на колени перед телом, стараясь не выпускать из поля зрения зарешеченное окно, перекладины которого обвиты какой-то лианой, напоминающей о Тарзане. По счастью, сквозь листву проникают проблески лунного света.

Костюм на мужчине стар и изношен, – похоже, и это очередной пережиток советской эпохи. Золотанный изолентой капюшон из резины и прозрачного пластика оснащен фильтром, от которого, по мнению Данте, не будет никакого толку. Сам костюм изрядно потрепан. Однако это лучше, чем ничего. Данте понимает, что костюм не защитит его от заражения, но в нем ему, по крайней мере, будет теплее. Вот только сначала нужно вытащить его содержимое. То есть труп. Покойники ничем не отличаются от живых, разве что не шевелятся.

Данте снимает капюшон, и тот с хлопаньем отдирается от головы трупа. Он боялся, что на него хлынет разложившаяся слизь, но лицо старика напоминает мощи святого. Созданный костюмом микроклимат превратил его в кожаную мумию. Данте случилось видеть и даже трогать штуки похуже. Несколько бесконечно долгих минут, превратившие

его в потную губку, он сражается с костюмом, расстегивает его, слыша, как скрипят мертвые кости, и наконец срыгает его с покойника.

На старике надеты рубашка и нижнее белье, но их Данте снимать с него не хочет. Хватит и костюма, который, соприкоснувшись с его теплым, хоть и озябшим телом, начинает невыносимо вонять. Натянув на босу ногу резиновые сапоги, шлепающие, как галоши, он, пошатываясь, выходит наружу. Вероятно, потом сапоги придется просто срезать с ног.

Холод стал невыносимым. Остановившись посреди двора, Данте снова пристально смотрит на Коробку. В ней нет окон – в семиэтажном здании размером с многоквартирный дом нет ни единого гребаного окна. Коробку спроектировали так специально, чтобы те, кто томился внутри, не могли выглянуть наружу. И чтобы никто не мог сбежать.

Он не знает, как и зачем Лео переправил его через украинскую границу. Не знает, зачем перед похищением Лео сообщил ему, что является его братом, и правда ли это. Данте уверен только в одном: в костюме или без костюма долго он не протянет. Заснет где-нибудь и даст дуба. Ноги его уже почти не держат, он понятия не имеет, как вернуться домой или позвать на помощь, и не слышит ни шума машин, ни шипения линий электропередачи. Он направляется к Коробке – больше ему ничего не остается. Это возведенный из мрака и непреступных стен памятник единственному богу, которого боится Данте, – богу замкнутых пространств.

Ворота приводят его в уменьшенную копию двора, который он оставил позади. По периметру тянется увенчанное колючей проволокой пятиметровое ограждение, начинающееся от нижней части Коробки – более широкого, чем остальное здание, одноэтажного бетонного основания. Здесь имеются и окна – этот этаж предназначался для персонала. Но стекла разбиты, и, как и в офисном здании, все разграблено и сожжено. Он ощущает какой-то запах – по правде говоря, не столь уж неприятный. Запах, похожий на...

Кофе.

Данте понимает, что это невозможно, но все же идет к источнику аромата и оказывается перед дверью, ведущей в помещение, которое когда-то было кухней. Вся мебель и приборы украли или уничтожили – всю, кроме большого опрокинутого холодильника. На холодильнике стоит газовая плитка, а на ней – вскипающая кофеварка. Мысли Данте налетают одна на другую: галлюцинация? Ловушка? Противопехотная мина?... Но, подняв глаза, он видит мужчину, протирающего платком пару сколотых чашек.

Лео.

Он одет в расстегнутый военный комбинезон без знаков различия, под которым виднеется термокуртка. Ни маски, ни защитного костюма, – похоже, ему плевать на радиацию.

– Ты как раз вовремя, – бодро произносит он. – Кофе готов. Иди сюда, нам нужно о многом поговорить.

2

Онемев, Коломба нацелила пистолет на входную дверь, ожидая, что Лео вот-вот ворвется в комнату. Мобильник она держала в левой руке, подальше от уха, будто раскаленный уголь.

– Кто ты? – выдохнула она.

– Ты знаешь, кто я, – своим обычным спокойным тоном ответил он. – Неужели я и правда должен объяснять тебе, что ты теряешь время? Я не оставил никаких следов.

– Дай мне поговорить с Данте, – еле слышно сказала Коломба.

– Его здесь нет.

– Где он?

– Это запутанная история, Коломбина.

Она перевела дыхание.

– Какого хера ты с ним сделал?! – закричала она. – Скажи мне, жив ли он! Скажи мне, где он!

– Не могу. Мне жаль.

– Долбанный сукин сын! – Коломбу несло. Голос ее звенел от ненависти и гнева. – Я тебя убью, и плевать, если мне пожизненное вкатят!

– Если не прекратишь кричать, я повешу трубку. – Его голос утратил всякую интонацию, и Коломба поняла, что совершила все ошибки, возможные при разговоре с психопатом.

Надо быть уступчивой, мягкой, льстить его эго. Каждое случайно оброненное Лео слово может оказаться бесценным. Прикусив разбитую губу, она постаралась взять себя в руки:

– Могу я хотя бы спросить, все ли с ним в порядке? Пожалуйста.

– Давай сменим тему, Коломбина.

«Не перегибай палку. Слушайся его».

– Зачем ты убил Ромеро?

– Потому что его было просто подцепить. А я в этом деле мастер.

Коломбу передернуло, но она промолчала.

– Извини за бестактность, Коломбина.

– Что случилось на яхте? Почему ты потопил «Шурмо»?

– Я позвонил не для того, чтобы отвечать на твои вопросы.

– А зачем же?

– Чтобы посоветовать тебе остановиться. Ты не найдешь ни меня, ни Данте. Дальнейшие поиски могут быть опасны.

– Я не боюсь, – солгала Коломба.

– А надо бы. Ты знаешь, на что я способен.

Воздух почти не проникал в ее сдавленное горло. У Коломбы подогнулись ноги, и она упала на колени.

– Прошу тебя... – прохрипела она. – Скажи только, жив ли он...

– Выбирай, Коломбина. Долгая жизнь среди холмов или быстрая, но болезненная смерть. Подумай хорошенько, – сказал Лео и отключился.

Коломба перестала дышать. В ушах свистело, мир стал черным и вязким. Из последних сил она принялась скрести ногтями кафельную плитку. Ноготь на указательном пальце левой руки приподнялся и сломался под корень. Вместе с обжигающей вспышкой боли к ней вернулась способность мыслить.

«Твою мать», – подумала она, посасывая больной палец. Полногтя осталось у нее во рту, и она сплюнула его на пол вместе с кровью, оставляя свою ДНК. Как видно, в голове у нее еще не до конца прояснилось.

«Долгая жизнь среди холмов».

Ему известно, где она живет. Известно, чем она занимается. Она отказалась от всех электронных гаджетов и целый год спала вполглаза, а ему все равно удавалось за ней следить.

Коломба смочила в отбеливателе кусок туалетной бумаги, стерла свои следы, подобрала обломок ногтя и бросила все в унитаз, после чего несколько раз смыла.

«Он не только знал, где я живу, но и сразу узнал, что я здесь!»

Она вышла из квартиры, прикрыла за собой выломанную дверь и направилась к лестнице. То есть только собиралась это сделать, но внезапно обнаружила, что нажимает на звонок соседки. Девушка открыла дверь.

– Какого хрена... – прошипела она.

Коломба втолкнула ее в квартиру и локтем, чтобы не оставлять отпечатков, захлопнула дверь.

– Это ты его предупредила! – рявкнула она.

– Убирайся, или я закричу!

Коломба прижала ее к стене и закрыла ей рот рукой:

– Человек, с которым ты связалась, – убийца. Чудовище. И по твоей вине он, возможно, сбежал. Может, он убивает кого-то прямо в эту секунду. Понимаешь? Скажи, что понимаешь.

До смерти перепуганная девушка показала на приоткрытую дверь в комнату, в проеме которой виднелась протянутая между перекладинами детской кровати ручка младенца. Ребенку было не больше года. Коломба убрала руку.

– Только не трогай моего малыша, – визгливо от страха взмолилась девушка. – Клянусь, я никого не предупреждала.

– Что он сделал, чтобы ты стала его шпионкой? Заплатил тебе? Угрожал?

– Нет!

Коломба ей не поверила, но это не имело значения. Если девица еще жива, значит она не знает ничего, что помогло бы выйти на Лео. Зря она сюда пришла. Девушка не рассмотрела ее хорошенько, когда они беседовали на площадке, но теперь уж точно запомнит ее лицо.

«Тем хуже».

– Расскажи о нем что-нибудь еще.

– Не знаю, что...

– Гости. Странности.

Девушка покачала головой:

– Не было ничего такого.

– Так уж и ничего? Чудовище год живет напротив тебя, и ты никогда не замечала ничего странного, – язвительно сказала Коломба.

– Он мало здесь бывал. Мало говорил. – Девушка, казалось, делала над собой усилие, чтобы вспомнить хоть какие-то детали. Ее глаза были прикованы к детской. – Может быть, он любил горы...

– Это он тебе сказал?

– Нет, но в последний раз, когда я его видела, у него в рюкзаке лежали эти штуки, которые надевают на ноги, чтобы ходить по льду. Может, он поехал в горы...

– Ты с ним спала? – спросила Коломба.

Девушка перевела испуганный взгляд на нее:

– Нет. Клянусь.

– Тем лучше для тебя.

Коломба выбежала из дома. Ярость ее таяла, сменяясь страхом. Она опустила подбородок и натянула шапку до самого носа на случай, если попадет в объективы камер. Их теперь кругом повесили. Каждый второй обзавелся видеодомофоном и мог видеть, что происходит во дворе. Очень удобно, когда ведешь расследование, но не слишком кстати, если не хочешь, чтобы после того, как ты запугала свидетельницу, за тобой явились бывшие сослуживцы.

«Ты бы сейчас не о них волновалась», – подумала она.

Голос Лео застрял у нее внутри, будто жало, начинающее распространять свой яд. Что, если он затаился поблизости? Он может напасть в любую минуту.

«Успокойся!»

Коломба дважды уронила ключ от машины и ударилась большим пальцем так сильно, что вскрикнула от боли, прежде чем ей удалось открыть дверцу и уехать. Она поехала по местной дороге, где не было камер наблюдения, и остановилась на заправке, чтобы наполнить бак. Снова включив мобильник, она отстучала Барт такое отчаянное, полное грамматических ошибок сообщение в «Signal», что та немедленно перезвонила ей из туалета морской лаборатории.

– Можешь назвать им имя, – прошептала Коломба. – Хотя это и бесполезно.

Даже несмотря на плохую связь, Барт поняла, что ее подруга вне себя от потрясения.

– Что случилось?

Какой-то дальнотойщик, направляющийся к уличным туалетным кабинкам, улыбнулся Коломбе, и та отвернулась.

– Все это время Лео пользовался квартирой Ромеро, – еще больше понизив голос, сказала она.

– Откуда ты знаешь?

– Черт, он сам мне позвонил... Я была в его квартире, и он мне позвонил, – запинаясь, проговорила она. Сердце ее бешено стучало. – Он за мной следит. Знает обо всем, чем я занимаюсь.

– Коломба... – сказала Барт, стараясь не терять спокойствия, – ты уверена, что это был он?

– Да! Думаешь, я могу его с кем-то перепутать?! – Коломба вытерла испачканную кровью руку о свитер. Палец продолжал кровоточить.

– Слушай... Езжай ко мне домой. Попроси ключ у консьержки. Я приеду, как только смогу.

Барт с двумя своими собаками жила в Милане, в лофте переоборудованной под жилье старой типографии.

– Нет-нет... Я уже почти дома, – солгала Коломба. – Я перезвоню. – Она отключилась, заблокировала телефон, шесть раз введя неверный ПИН-код, а затем разобрала его, разломив сим-карту надвое и выбросила все это в мусорный бак. Просто сменить номер недостаточно – трубку тоже можно отследить. Телефонам присваивается идентификационный номер IMEI, который передается в эфир при авторизации в Сети и может быть отслежен с помощью соответствующих технологий. Надо было выключить телефон, прежде чем ехать к Ромеро, но она так отвыкла пользоваться мобильником, что даже об этом не подумала.

«Идиотка».

Коломбе не хотелось возвращаться домой в темноте, и она остановилась на ночь в мотеле, заплатив парню за стойкой, чтобы не оставлять паспортных данных. До самого рассвета она смотрела из окна на фары несущихся мимо машин и непрестанно думала о Лео. Яд его голоса отравил ее. Казалось, она балансирует на канате, подвешенном над бассейном с акулами.

Зачем он связался с ней через полтора года? Зачем дал ей знать, что еще жив, вместо того чтобы позволить ей и дальше мучиться сомнениями? Опыт подсказывал Коломбе, что убийцы никогда не звонят полицейским, чтобы бросить им вызов, не отправляют зашифрованных посланий, не испытывают бессознательного желания быть пойманными. Они скрываются, убивают и прячутся. И знают, что любой контакт – это риск. Как бы ни купались в деньгах старые мафиози, они почти не видят солнечного света, живут в подземельях, как кроты, и отправляют записки, *малявы*, которые не оставляют следов в Интернете.

Может, Лео и сумасшедший, но он знал, что выходить с ней на связь опасно. Если он так поступил, значит у него был мотив, важный как минимум для него самого.

«Долгая жизнь среди холмов. Снегоступы».

Лео не сбежал, он остался в Италии. Он знает, где она живет, бродит по снегу. Невидимый канат под ногами Коломбы опасно задрожал. Мысли спутались, голова закружилась, и она вдруг вспомнила короткие каникулы, проведенные с Данте после смерти Отца в спа-отеле «Баньи Векки» в Бормио. Пока она плавала в термальном бассейне, на мобильник Данте кто-то позвонил. Незнакомец на другом конце провода сказал, что с радостью узнал о том, что Данте жив, а прежде, чем повесить трубку, назвал его братом. Звонивший не представился и больше никогда не выходил на связь, но тот звонок изменил все. Данте ничего не помнил о собственном прошлом. Все, что он знал о своей семье, оказалось ложными воспоминаниями, внедренными ему Отцом в долгие годы заточения. Подчинить своему влиянию оторванного от внешнего мира ребенка легко, и Отец умел это лучше, чем кто-либо другой. И, услышав, что у него есть брат, Данте как одержимый принялся копаться в прошлом. Существовал человек,

обладающий ключом, который мог открыть замки в его голове, – некто, способный рассказать ему, кто он на самом деле.

Незнакомцем был Лео. Лео сам признал это, когда похищал Данте, а она погружалась в кому. Но если это правда, какие отношения связывали его с Отцом? Не был ли он его сообщником, убившим родителей Томми?

Головокружение не прекращалось, и под ногами Коломба ощущала только пустоту. Лео несколько недель успешно выдавал себя за ее сослуживца только для того, чтобы попасть в Венецию во время кровопролития. Он все спланировал и ни на миг не отклонился от сценария. Такой человек, как он, был способен подстроить все так, чтобы один из узников Отца поселился в трех километрах от ее дома. Но какую цель он преследовал? Неужели просто хотел ее помучить?

Коломба написала имя «Лео» на влажном оконном стекле, и оно заблестело в свете фар какого-то грузовика. Меласов убили в тот же день, когда стало известно о «Шурмо». Возможно, Лео сжигал мосты. Или у него был более иной потаенный мотив, и, если его не остановить, кровь прольется снова.

3

Участок карабинеров в Портико представлял собой трехэтажный дом, похожий на все остальные виллы на ведущей к музею улице, если не считать колючей проволоки и желтого знака, обозначающего территорию военного объекта. Оборудованный металлодетектором вход для гражданских находился на первом этаже, в то время как на второй этаж, включая тесную комнатку для допросов, где, помимо прочего, арестанты встречались со своими адвокатами, имели доступ только карабинеры. На четвертом этаже жил Лупо. В маленьких участках ночующий на посту начальник – обычное дело. Для ночных дежурств персонала не хватало, и на звонки в нерабочее время он отвечал лично.

Изнутри участок тоже больше походил на жилой дом, чем на казарму. Стандартную мебель, поставляемую министерством, разбавляла пара полотен Магритта⁹ в репродукциях работы местного фальсификатора картин, которого Лупо и его люди арестовали пару лет назад. Они висели в вестибюле рядом с портретом президента, поскольку нравились Кьяре – единственной гражданской сотруднице участка, которая во всех вопросах, связанных с логистикой, становилась раздражительным диктатором. После выхода на пенсию Кьяру сменил Донато – нанятый по закону об инвалидах диспетчером на полставки, который был глух на одно ухо и к тому же потерял обе ноги, – что изрядно огорчило Кьяру.

Сразу за кабинетом Кьяры (как его продолжали называть, словно там по-прежнему витал ее дух) была дверь в небольшую кухню, где карабинеры пили кофе или разогревали что-нибудь в микроволновке, купленной в складчину на прошлое Рождество. Имелся там и маленький холодильник, где в герметичных контейнерах хранилась принесенная из дому еда. Контейнеры не были надписаны – каждый знал, где чье. В восемь часов утра там перекусывали двое дежурных карабинеров: фельдфебель Нероне и бригадир Бруно, который, поскольку являлся уроженцем Мерджеллины¹⁰, был единственным, кому позволялось пользоваться неаполитанской кофеваркой. Бородатый Нероне походил на растолстевшего бывшего рэгбиста, а долговязому Бруно было уже недалеко до пенсии. В кухню, держа термос с пойлом от «Гербалайфа», которое, как она надеялась, могло помочь ей избавиться от пары лишних сантиметров на боках, вошла Мартина, и внимание сослуживцев тут же обратилось к ней. На топ-модель Мартина явно не тянула, но другие женщины в их исключительно мужском кругу не появлялись.

⁹ *Рене Магритт* (1898–1967) – бельгийский художник-сюрреалист.

¹⁰ *Мерджеллина* – приморский район Неаполя.

– Здравствуйте, фельдфебель, привет, Бруно. На меня осталось?

Бруно приподнял крышку кофеварки:

– Мало. Сварить тебе еще?

– Нет, мне хватит, спасибо. – Мартина налила себе кофе в бумажный стаканчик. – Я уже и так две чашки выпила.

– Это ты привезла сюда сына Меласов? – спросил Нероне.

– Да, фельдфебель.

Как раз сейчас наверху Лупо обсуждал судьбу Томми с магистратом и судебным экспертом.

– Жалко, бракованных детей нельзя вернуть, – сказал Нероне. – Представляете, как было бы удобно? Твой сын дурачок? Отправь его обратно.

Бруно рассмеялся:

– Я бы дорого дал за такую возможность, когда мой сын был подростком.

– Томми не дурачок, – осторожно сказала Мартина. Она служила в участке не так долго, как они, и не хотела открыто перечить старшим по званию. – У него другие проблемы.

– Уж родители-то его о его проблемах не понаслышке узнали, – сказал Нероне. Бруно снова засмеялся, и Мартина натянуто улыбнулась. – Правда, они и сами виноваты, что он таким получился, – продолжал Нероне, купаясь во внимании сослуживцев и не подозревая, что обязан этим вниманием прежде всего своему званию. – Верно, начудили что.

– Аутистами рождаются... – тихо произнесла Мартина.

– Каждый десятый становится таким из-за вакцин, – вещал Нероне. – А может, и больше, потому что международные фармацевтические компании все скрывают.

Бруно, казалось, заметил, что Мартине неловко, и сменил тему:

– А с Виджевани что стряслось? Видали, какой он высокий?

Зампрокурора Пезаро был настоящим великаном. Вечно всклокоченный, с лошадиной физиономией, он возвышался над землей на два метра пятнадцать сантиметров и весил сто двадцать килограммов. В его огромный галстук можно было завернуться, как в парео, а ботинки он, казалось, брал поносить у Гуфи¹¹.

– Вылитый пещерный человек, – клюнув на крючок, загоготал Нероне.

Мартина не возразила, что пещерные люди были ниже ростом, чем современные, и, молча попивая свое пойло, думала о Томми, который всякий раз, как она перевозила его с места на место, плакал от страха. Его глаза напомнили Мартине песика, который был у нее в детстве и умер у нее на руках, заставив понять самую суровую и страшную правду жизни – то, что ей приходит конец.

По лестнице простучали чьи-то стремительные шаги. Решив, что это убегает Томми, Мартина бросилась в вестибюль, чтобы его остановить. Она знала, как обходятся с парнем ее сослуживцы, когда никто не видит, – будто с бычком, которого можно, посмеиваясь, вести на бойню, – и не хотела, чтобы над ним издевались.

Но по лестнице сбегал всего лишь побагровевший от раздражения Лупо, который, взглянув на нее невидящим взглядом, молча выскочил на улицу.

– Кажись, совещание не удалось, – сказал Нероне, запустил скомканный пластиковый стаканчик в урну и, промахнувшись, забрызгал Мартине сапоги.

– Похоже на то, Виц, – сказал Бруно. Фельдфебель Нероне был заместителем начальника и любил свое прозвище, каким бы нелепым оно ни казалось в казарме из шести человек. – Обычно шефа так корежит, когда приходится кого-нибудь просить об одолжении...

¹¹ Гуфи – антропоморфный пес, герой мультфильмов Уолта Диснея.

4

Вернувшись в дом, Коломба обнаружила, что там натоплено до духоты. В воздухе вились мошки. Пока ее не было, дороги посыпали несколькими тоннами соли, автоцистерна наконец добралась до Медзанотте и наполнила газгольдер. Не выпуская пистолета, Коломба обошла все комнаты, закрыла те ставни, которые открывала, чтобы проветрить, и заперла их на замок. Только завершив обход, она обрызгала объедки средством от насекомых и забралась под душ, чтобы смыть с себя фантомную вонь отбеливателя. Вонь Лео. Из зеркала на нее глядел король монет.

Если немного поднапрячь воображение, взгляд короля монет начинал напоминать Лео – такого, каким она его помнила. Уж не это ли хотел сказать ей Томми? Может, он просто выбрал самую похожую на Лео карту?

Она отвела глаза от картинки и обругала себя идиоткой. Если так пойдет и дальше, скоро его лицо станет ей в пятнах на стене мерещиться.

В мотеле она обмотала палец туалетной бумагой, а теперь продезинфицировала ранку и заклеила пластырем. Кончик пальца сильно вздулся, а на ногтевое ложе даже смотреть было больно. Пока она жевала аспирин, снаружи прогудел клаксон.

– Госпожа Каселли, поздравляю с новой машиной! – донесся с дороги голос Лупо.

Завернувшись в халат, она выглянула из окна. Фельдфебель прижимался к воротам, как заключенный к перекладинам решетки.

– Мне ее механик одолжил, – прокричала она в ответ. – Лорис. Знаете такого?

Лупо сухо кивнул, и Коломба поняла, что механик ему не слишком симпатичен.

– Но я здесь не из-за него. Могу я войти?

– Зачем?

– Мне говорить отсюда?

Коломба достала из парки ключ от ворот и бросила ему, потом спустилась и открыла дверь.

– Все хорошо? У вас усталый вид, – спросил Лупо, войдя, и снял куртку.

– Я плохо спала. Слишком натоплено. Я к такому не привыкла.

Лупо вытащил из кармана джинсов какой-то листок:

– Вот вам кое-что, в следующий раз им камин разожжете.

Коломба развернула листок и увидела собственную распечатанную на принтере фотографию:

– Это вы тоже нашли у Томми?

– Вы забыли одну под кроватью – вечно туда что-то забивается. Возьмите, и больше не будем об этом.

– Спасибо. – Коломба разожгла листком плитку и поставила чайник. Она уже видеть не могла свои фотографии. – Что, кроме подарка, вас ко мне привело?

– Честно? Магистрат Виджевани пока не хочет предъявлять обвинение Томми, – сказал Лупо, усаживаясь за стол. – Боится ударить в грязь лицом.

– Потому что парень – аутист?

– Ну да, к тому же он опасается, что через несколько лет в убийстве признается какой-нибудь бомж. Или что сестра Меласа его засудит.

– Чтобы расплатиться с очередным пластическим хирургом?

– Пожалуй. Ей ни до племянника, ни до брата никакого дела нет, но она кого хочешь доконает. Собирается торчать у нас в Италии, пока магистрат не снимет арест со счетов ее брата. А этого не произойдет, пока не кончится расследование. Змея, кусающая себя за хвост. Точнее, *меня*.

– Так найдите этого бомжа, – сказала Коломба.

– К сожалению, в наших краях бомжей днем с огнем не сыщешь. Уж и не знаю, за что взяты. Мы обошли каждый дом, да без толку. – Лупо развел руками. – Социальная жизнь Меласов? Ноль. Родня? Ноль. Враги? Ноль. Друзья? Ноль.

– Вы говорили с его терапевтом? – как бы невзначай спросила Коломба.

– С Палой? Да. Тоже ничего. Я ему говорю, что парню будет лучше, когда все закончится, а ему плевать. Эти психиатры только о наживе думают.

Довольная, что доктор о ней не упомянул, Коломба не стала говорить, что на нее Пала произвел совсем другое впечатление.

– Вы по-прежнему не хотите попросить о помощи карабинеров из Марке?

– Нет. Во Флоренции шагу было не ступить, пока тысячу порогов не обобьешь. Здесь мой маленький рай, и я хочу, чтобы впредь так и оставалось.

– И готовы пожертвовать Томми?

– Парня будут лечить! Мы же не на электрический стул его отправляем.

– Аутизм не лечится, а Томми не убийца.

Лупо закатил глаза:

– Богом клянусь, никак не пойму, почему вы с Виджевани продолжаете стоять на своем.

Коломба налила в чашки кипятка и поставила их на стол вместе с коробкой чая.

– Если хотите поплакаться в жилетку, это не ко мне.

Лупо выбрал наименее заплесневелый пакетик.

– Я пришел потому, что для Виджевани решающим аргументом может стать оружие убийства.

– Вы его еще не нашли?

– Мы заставили ребят из службы гражданской обороны обшарить с металлодетектором каждую яму от Монтенигро до Медзанотте. Пусто.

– Ну и?

– Остался только ваш участок. Вот я и думаю, почему бы не проверить его сегодня. Мы с командой максимум за час управимся, так что вечер у вас останется свободным.

– С чего это вам проверять мой дом?

– Вы же приводили его сюда, верно?

– У Томми ничего с собой не было.

– Может, вы не видели, как он его у вас спрятал. Сами знаете, в вашем разрешении я не нуждаюсь. Я из вежливости спрашиваю.

– Зато вы нуждаетесь в разрешении магистрата. И если вы пришли сюда, чтобы просить моего, значит магистрат сказал вам «нет».

Лупо так сильно стиснул чашку, что у него побелели пальцы:

– Госпожа Каселли, я пытался быть любезным... Так почему бы вам не отплатить мне за любезность? Мы ведь с вами в одной команде, правда?

– В последний раз я слышала то же самое от человека, который пырнул меня в живот.

Лупо стиснул зубы:

– Спасибо за сравнение.

– Когда мы познакомились, Лео Бонакcorso больше походил на копа, чем вы. Особенно сегодня, когда вы являетесь ко мне за простым решением всех ваших проблем, чтобы и дальше плевать в потолок.

Лупо вскочил и надел шапку:

– Мне пора. Если хотите знать, чай ваш – редкая отравка.

– Не волнуйтесь, больше я вас угощать не стану! – прокричала Коломба ему в спину.

Дождавшись, пока машина Лупо не исчезнет за холмом – назло ей фельдфебель врубил сирену, – Коломба надела ботинки и побежала в сарай. Не мешало бы обыскать его – просто на

всякий случай. Она даже передвинула несколько коробок, но не нашла ничего, кроме вековой пыли и паутины. Наконец она прошла вдоль ограды.

Молотка не было.

Лео становился ее главным подозреваемым, хотя ее версия не основывалась ни на чем, кроме смутных ощущений. Она накинула куртку и отыскала среди документов фоторобот Лео. Ни одной его фотографии не существовало, но фоторобот очень походил на оригинал. Короткие волосы, волевое лицо, искренняя улыбка. По этому портрету его разыскивали месяцами, но все поиски оказались безрезультатными, а самой Коломбе ни разу не доводилось кому-либо его показывать. До сих пор. Она села в «Пежо-208» и доехала до Портико, где в том же магазине купила новый телефон и еще одну сим-карту – как она надеялась, последнюю. Затем она вернулась в припаркованную на площади Коммуны машину и, подставляя босые ноги под струи горячего воздуха из дефлекторов, обзвонила все ближайшие гостиницы, найденные на «TripAdvisor». На девятой попытке она нашла сестру Меласа.

5

Деметра обедала в зале агротуристического комплекса «Хижина в Колесекко», где компанию ей составляли лишь набитые соломой головы оленей и козлят. В жизни она показалась Коломбе ниже ростом и моложе, чем в выпуске новостей. Хирургически подтянутая, одетая в черный костюм женщина была накрашена фиолетовыми тенями и такой же помадой.

– Госпожа Мелас? Здравствуйте... Насколько я знаю, вы говорите по-итальянски, – сказала Коломба. – Мои соболезнования.

Деметра проигнорировала ее протянутую руку:

– Я уже говорила вашим коллегам, что не даю бесплатных интервью. – Если не обращать внимания на сильный акцент, ее итальянский был безупречен.

– Я не журналистка. Моя фамилия Каселли, и я служила в полиции, сейчас в отставке. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Деметра отмахнулась. На ее ногтях был французский маникюр.

– Оставьте меня в покое.

Коломба села напротив нее.

– Повторюсь, я соболезную вашей потере, – понизив голос, сказала она. – Но если вы не ответите на мои вопросы, я позвоню в отдел по борьбе с терроризмом и сообщу, что вы принадлежите к греческой анархистской организации. Рано или поздно они во всем разберутся, но, пока суд да дело, вы проведете не лучшую недельку, даже если голосовали за «Золотую зарю»¹².

Деметра доела бульон.

– Ты сказала, что больше не работаешь в полиции.

– Зато у меня там осталось полно друзей. Хотите проверить?

– Какое тебе дело до моего брата?

– Никакого. – Коломба показала ей фоторобот Лео. – Вы знаете этого человека? – с невольным волнением в голосе спросила она.

Деметра на него едва взглянула:

– Нет.

– Присмотритесь повнимательней. Он мог отрастить бороду, надеть очки. Перекрасить волосы.

– Нет. Кто это?

«Человек, который, возможно, убил твоего брата, проклятая мегера».

¹² «Золотая заря» – греческая ультраправая националистическая партия.

– Вы никогда не видели его со своим братом?

Деметра отставила украшенную охотничьими сценками тарелку:

– Третий раз повторяю – нет. Ты так и не сказала, кто это.

Коломба убрала фоторобот.

– Если вы его не знаете, это не важно, – сказала она. – У вашего брата были враги?

– Понятия не имею. Я не так уж хорошо его знала.

– Вы не знали собственного брата? Простите, но в это сложно поверить.

– Я *думала*, что знаю его, но ошибалась.

– Поясните.

Деметра глубоко вздохнула. Блузка натянулась на ее силиконовой груди.

– Мой дед был моряком, – сказала она. – После войны он вышел в отставку и открыл верфь в Маркопулоне-Месойеас на восточном побережье. Дед завещал ее моему отцу, а тот превратил ее в компанию с сотней сотрудников. После смерти отца Аристид продал ее турецкой компании.

– Когда это произошло?

– Два года назад.

– В каком месяце?

Женщина задумалась:

– В декабре. Это важно?

Коломба неопределенно пожала плечами – она действительно не знала.

– Какие суда там строили?

– Любые, вплоть до трехсоттонных. Но мы их не строили, а только ремонтировали. В основном яхты со всей Европы.

– Вы помните яхту под названием «Шурмо»?

– Я яхтами не занималась. Только финансовыми потоками. Можно уточнить у нового владельца.

– О'кей. Почему вы не возражали против продажи?

– У меня не было права голоса. Отцу не нравилось, что я сама зарабатываю на жизнь, вместо того чтобы сидеть дома и стирать трусики. Поэтому перед смертью он завещал все Аристиду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.